Сергей Огольцов

Степанакерт-Сага

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Сергей Огольцов
Степанакерт-Сага

Провинциальное Лето 98-го

Часть первая: Публичные Изъявления Неиссякаемой Признательности

______**Кое-что о катаклизмах** *(типа предисловия)*

Четвертый фараон семнадцатой династии, Ахутдалуп Пти-Пси, владыка Верхнего и Нижнего Египтов, и прочая, и прочая— поддавшись на ухищренные мудрствования халдейских магов— поколе́бнулся в вере предков своих и восприял их заумную догму, будто бы всё, что ни на есть, сущее во Вселенной пребывает в непременной (пусть и не всегда ведомой) связи промеж собой и потому лучше не вмешиваться в естественный ход событий, дабы не повлечь цепь неожиданных, а может и ужаснейших событий...

Жене ж его, царице Нафталинти, на мудрость эту было в высшей степени чихать и когда любимейший из ее котов (имя коего поглощено бездонной глубью веков) занемог, она не стала дожидаться, чтоб он естественным ходом сдох и, оставя без внимания гримасу недовольства царственного мужа, призвала жрецов врачевателей, каковые предписали промыть коту кишечник через прямой проход по правилам традиционной медицины.

Наутро фараон влетел в покои Нафталинти и укоризненно воскликнул на нее, потряхивая листом папируса источавшего запах свежей типографской краски: – Вот те и коту клизма! А Атлантида-то – тю-тю... Утопла! Мать твою блин! ___

Поделка эта (типа, эпиграф к, типа, предисловию) сложилась в 89-м году, после природного катаклизма – Большого Армянского землетрясения, незадолго до катаклизма политического – карабахской войны.

Впрочем, на карабахских дорогах уже вовсю разворачивалась "каменная война": метание камней по проходящим машинам и автобусам.

Следом пожаловали 4 года войны современной, на уровне нынешней цивилизации – с артиллерийским, ракетными, авиационными бомбардировками.

Мир почти не заметил этой войны, шума в нём и без неё хватало – трещала по швам и (в очередной раз) перековывалась в новые формы Российская Империя.

Вобщем, мировая общественность так до конца и не разобралась: кто же они такие—карабахцы? Некоторые говорят, что это коренное население данного региона.

Не стану спорить, а просто представлю ещё одно определение: карабахцы – корневой народ данной планеты.

Как понять?

На взгорке у въезда в Степанакерт высится композиция скульптора Саркиса Багдасаряна: две рядом стоящие скалы: одна – в виде головы бородатого лысого мужика, другая – повязанной платком женщины. Народ прозвал это творение "Дедо-Бабо", официальное же его наименование "Мы и наши горы".

Однако, при переводе с армянского упущено слово "есть", следовало бы так: "Мы и есть наши горы".

Древние горы. Древний народ. Приходили сюда завоеватели, устанавливали свои владычества. Насаждали вероисповедания. Тысячелетиями сменяли друг друга владыки, империи, веры…

А после всего этого водитель КРАЗА Гурген, мой сосед по Степанакерту, знакомя со своей родной деревней, показал на склон противоположной горы и сказал:

– В каменном веке наша деревня вон там была, а теперь тут живем.

Это не было похвальбой, просто деловая информация. Но какой самый старинный аристократический род укажет родовое гнездо сопоставимой древности?

Здесь корни человечества. Живые корни.

И в этом, пожалуй, разгадка тому, как 80-тысячный народ выстоял против державы с населением в 7 миллионов. Человечество, не разумом, а чем-то ещё, прочувствовало – нельзя вырывать корни, свои же собственные корни.

А в общем, карабахцы—люди, как все. Значит можно их любить, или на них сердиться, или писать о них же.

Предвижу упрек: взялся писать про карабахцев, а вон сколько про себя да про своё.

Но, во-1-х, я карабахец не с прошлого года

А во-2-х, не важно о чём, а важно как. Стиль изложения у меня исконно карабахский, его перенял я работая переводчиком в местной газете.

Передовицы Максима Ованисяна научили меня, что читателю бывает по душе, чтоб его интимно приобняли за плечо и доверительно, по-свойски так, молвили б: "Браток, да мы ж с тобой..." Очерки Сусан Атанесян показали до чего оживают строки, коли подать в них чёткую бытовую деталь. А задумчивые статьи Наиры Айрумян привили вкус к философической созерцательности.

Пройдя такую школу, грех было бы не сложить памятник карабахскому стилю, чем и является данная композиция с длинновато-конкретным названием "Провинциальное лето 98-го", составленная из данного, типа, предисловия, двух, типа, введений и семи очерков сработанных в лето обозначенного года.

Ну, и довольно объяснений – моё дело сделано: *ляв кац*[1], дружище читатель!

1998\11\02

Студенчество Сегодня: Цели и Взгляды

Пространство и время – дело тонкое, а уж тем более на Востоке. Они порой в такие тут гордиевы узлы сплетаются, уж до того ж извивисто здесь лабиринтятся, что и с комапасом не различишь вход от выхода.

Пространство, что ни день, фамилию меняет: то буферное оно, то жизненное, то автохтонно-этническое. У времени свои фокусы: козлёнком резвеньким скачет, туда-сюда-обратно, из часового пояса гео-физического расположения в область экономической целесообразности, но в тот же миг, даже и не мекнув – скок! – в учёт политических реалий региона.

Ох, непросто местному руководству сделать выбор: на чьё летнее время выгоднее переключаться – ереванское или московское?

При подобных раскладах этих тонких материй ухо надо держать востро; в чехарде такой неизвестно где и окажешься, войдя в какую-нибудь из дверей – может в комнату какую-то угодишь, а может и в пустыню, лишь бы не в жерло действующего вулкана...

Однако же, на этот раз, вроде б, пронесло и, одолевая последние метры пропыленного, пронизанного аравийским зноем пространства, наступаешь на дребезжащую железом приспособу для оскребания подошв, восходишь на три ступени к распахнутым настежь дверям и, миновав остеклённость входного шлюза-отстойника, окунаешься в пленительную прохладу и освежающий полусумрак в стиле королевских дворов эпохи Реформации; глаз—все ещё оглушенный слепящим сверканием оставшегося на улице светила—сразу и не разберёт: испанский ли это Эскуриал, или Лувр в Париже.

Под сенью мглистых сводов неспешно журчит дворцовая жизнь. Придворные красавицы плетут свои интриги меж массивных квадратных колонн, сплотясь в говорливые группки, безошибочными взглядами оценивая узорчастые туалеты подруг-соперниц: все, что

для прихоти обильной подвозят торговые караваны из Ирана и прочих полдневных стран.

Ах, что за чудо необъяснимое эти наряды! Это ж умудриться надо – одеться так, чтоб всё оказывалось на виду, впечатляя безутайным облеганием пышных форм и прозрачной драпировкой плавных линий.

А от роскошностей всех парфюмерных ароматов и сладостных благоуханий нос мгновенно впадает в восторг и экзальтацию, вот-вот с ума сойдёт, с него станется.

Да окажись тут Николай Васильевич Гоголь, в этом цветнике, в этой немыслимой помеси розария с колумбарием, то захлебнулся б классик собственной слюной, а если б, всё-таки, случайно удалось откачать беднягу искусственным дыханием рот-в-рот, то он—не сходя с места—тут же б спалил и первую часть "Мертвых душ", а вместо них принялся б строчить продолжение к "Коляске"; как минимум в трёх томах.

По каменным плитам зала браво прохаживаются военные (но без шпаг – Ришелье запретил дуэли). Не менее бравая, хоть и не облагороженная воинской униформой, придворная молодежь мужеска пола старательно их не замечают, хотя порой и братаются для составления проектов предстоящих пирушек. Военная косточка – сердцевина всякой веселой компании, рискованных предприятий да и просто дворцовых переворотов.

Стоит невнятный, но такой неумолчный и слитный гул из пощёлкивания каблуков, поскрипывания ремешков, подмигивания ресниц, поигрывания мускулов, позвякивания бижутерии, приманчивых хиханек, увильчивых хаханек, эксклюзивных брифингов—"...ой, да что ты такое... а он тогда... ну, а ты?.."—что начинаешь мало-помалу выходить из себя: Мадрид это, в конце концов, или, черт побери, Париж, или в какую другую угодил, прости Господи, Вену?

И воздеваешь взгляд горе, повыше парадной лестницы с витражами, пока не упрёшься взором в зеленоватое мерцание цифр

в черном ящике электронных часов на потолочной балке.

И сразу же отлегает – всё в порядке: никаких Мадридов с Венами, ты там где надо – в Арцахском государственном университете, а все эти красоты и бравости – обучающаяся в нём молодежь.

А нас-то зачем сюда, сударь, занесло?

Ну, всяк по своей надобности, а у меня на этот раз четкое задание главного редактора газеты "НК Республика" – разобраться и доложить:

– в чем цель студенческой молодежи сегодня и, плюс к тому,

– каков их взгляд на своё настоящее и будущее.

На втором этаже от вестибюльной прохлады не остается и воспоминания.

На втором этаже во всех классных комнатах день открытых дверей и распахнутых окон. Но разленившийся на жаре воздух не слишком-то пошевеливается. Висит (подлец!) – дожидается, чтоб его колыхали веерами из листков бумаги.

Двери – настежь, окна – настежь, а сквозняков и в помине нет. Можно смело ходить по коридорам и через дверные проемы изучать взгляды студенчества.

Картины в аудиториях, примерно, одинаковы.

За ближним к входу столом, спиной к нетронутой настенной доске, истомлённый жарой преподаватель. Перед ним, передом к той же бездельной доске, прореженная горсть студентов, со взглядами опёртыми на различные точки пространства.

Лишь самый ближний студент, севший как раз напротив, преданно держит взор устремлённым в лицо наставнику. (Сессия на носу, надо заложить в экзаменатора положительные к себе эмоции.)

Однако, в верноподданом взгляде чувствуется некая остекленелость. Даже он сейчас явно не здесь, он засмотрелся в будущее…

Ну, разумеется, цель современного студенчества та же, что и во все времена – закончить университет. Однако, нынче надо быть поосторожней в выражениях. Если добавишь, что цель их получить образование – преподаватели подымут тебя на смех.

Какое там образование, какие знания! Они заявились купить диплом. Обменять бумажки на бумажку. Смотрят на университет как на ярмарку невест, где сходятся пощеголять нарядами (а кто откажется?) да приискать себе кого-нибудь (это не про меня!).

Вобщем, типа, как зашли в магазин, купили коробку конфет, конфеты высыпали б и унесли с собой пустую картонную коробку.

Декан N-ского факультета решительно опровергает право студентов считать, будто они тут только затем, чтоб купить диплом, но в частном порядке признаёт, что так оно и есть на самом деле.

Впрочем, это взгляд со стороны, а как смотрит само студенчество на свое настоящее?

А смотрит оно с горечью разочарования. Сколько сил затрачено было в школе на факультативы, на занятия с репетиторами. Какое бурное было кипение страстей и чувств: только бы поступить! О, как я начну учиться!

Сбылась мечта...

В первый месяц накупил студент тетрадок, ходил на лекции, записывал чего-то, в библиотеку заглянул раз-другой.

А потом пошёл процесс утраты иллюзий. Лекторы бормочут не понять чего, либо то же самое, что и без него есть в учебниках. А вся наука очень уж смахивает на подготовку школьного утренника: заучи стишок, расскажи на экзамене – получишь оценку.

И это человеку семнадцати лет! Который готов весь мир перевернуть и осчастливить, и именно с такой целью поступал в университет: взойти на сверкающие вершины знаний, получить ключи и доступ к тайнам и пультам управления взрослого мира.

Это ему-то участвовать в детсадовских монтажах? Слушать нудный бубнёж лектора?... Четыре года?!. За что?!.

Разочарованию, как и всякому чувству, требуется выход.

Госпожа А. А. Бадалова, небезызвестная фигура на ниве местного просвещения по части психологических наук, побывала в регионах ставших с некоторых пор зарубежными, и вернулась с вестью, что и для тамошних преподавателей главная проблема – наплевательское отношение студентов к учебе, переходящее, по свидетельству все тех же зарубежных педагогов, в жуткие эксцессы.

В этом отношении у нас тишь и благодать. По-видимому, сказывается провинциальная крепость патриархальных устоев. Наша молодежь умеет держать себя под контролем.

Ну, конечно, случается иногда, не без того…

Вон портрету Чернышевского начиркали мелом пиратскую повязку на глаз, но потом, для компенсации, тем же мелом намалевали орден на грудь, чтоб не слишком уж обижался.

Максиму Горькому сунули сигаретный окурок в рот. Он-то, бывало, все больше "Беломор" смолил, так пускай "кэмелом" старик побалуется.

Ну, какой в этом вандализм? Так – невинные шуточки недорослей.

Но в хохмах этих явно просматривается взгляд студентов на своё настоящее: они им недовольны, они его не принимают таким, как оно есть. И протестуют в такой вот недозрелой форме.

А что если, раз уж студент теперь платит за обучение, он не просто студент, но ещё и клиент впридачу? А может впрямь—как подметило дальнее зарубежье, раньше нас ступившее на путь таких вот отношений—клиент всегда прав? И даже когда сыплет на пол мои конфеты, то мне остается лишь почтительно подкивывать и улыбаться счастливой улыбкой.

Что делать?

У Чернышевского бесполезно спрашивать, вон он там набурмосился под своей кутузовской повязкой, и орден суворовский его не умаслил. И автор "Моих университетов" тоже за них —"кэмелом" подкупленный.

Отчаявшись обращаюсь напрямую к самим студентам:

– А чего вам вообще тут надо?

И получаю конкретный и на удивление зрелый ответ:

– Умного преподавателя, который научит нас нашей будущей профессии.

Вот тебе и вандалы!..

(Милые вы мои! Да где я вам сыщу такого за пятнадцать тысяч драм в месяц?)

– Норик, ну а что лично вам дал университет за два года учебы?

Норик вальяжно откидывается назад, до упора спиной в последующий стол, томно запрокидывает локти кверху и сплетает пальцы рук на затылке.

– Я здесь познал женщину,– скромно сообщает он.

Эх, молодо-зелено! Эх, *sancta simplicitas!* Эх, наивная самоуверенность юности. Эх!. Да на познание такого предмета всей жизни не хватит...

Впрочем, это уже другая тема...

Мне же остается лишь провентилировать насчёт их взгляда на своё будущее.

О, тут полный порядок! Юность полна оптимизма.

Пройдет ещё пара лет, они выкупят свой диплом и тогда перевернут и осчастливят весь этот мир.

Так что, у мира, и у меня в том числе, в запасе ещё два года.

Хотя очень уж скользкая это штука – время. А тем паче на непостижимом Востоке, где созревание происходит почти мгновенно, да ещё когда скачет оно, понимаешь, туда-сюда-обратно.

А ну как, эти два года обернутся парой месяцев? Что тогда?

Разочарование взрослого несколько иначе проявляется, чем у недоросля... И когда они усмотрят, что получили пустые фантики без начинки, то не хотел бы я оказаться в непосредственно близком от них пространстве.

Не подскажете, где здесь вход на выход, пожалуйста?.

Семейный Портрет в Интерьере из Рыночных Отношений

присказка:

В некотором крайне далеком от нас государстве (прошу непрестанно держать в уме данное обстоятельство – дело было за тридевять земель) демократия распустилась ну до того уж махровым цветом, что власти усмотрели возможным снять всякий надзор за средствами массовой информации. Руководителям этих самых средств было спущено таковое, примерно,

разъяснение:

Мол, вы, други милые, не дети малые, сами должны понимать насколько сложная у нас ситуация и в чём состоят интересы государства, каковые блюсти надобно нощно и денно.

Так что давайте-ка, разлюбезные, переходить на самоцензуру. Запретных тем у нас нет, но вы не дети малые и … (снова см. начало данного разъяснения).

Вот таким макаром у властей крайне далекого государства стало одной заботой меньше. Потому что (и это следует тут отметить) у людей занятых в сфере средств массовой информации, весьма развитое воображение: начитались, наслушались, нахватались, начерпались.

А у развитого воображения глаза велики: застращать самого себя – что два пальца обсосать.

– Ой, а вдруг меня за такое потащат в застенки губЧеКа?

– Или сошлют в 37-й год без права переписки?

– Или на плаху с Емелькой Пугачевым?

И, исходя из всех этих соображений, органы информации самостерилизовались до такой умиляющей степени, о которой власти и мечтать не могли в старые добрые до-демократические времена.

Ведь интересы государства штука очень и очень растяжимая, как и само понятие "государство"; порой не сразу и сориентируешься на что они натянуты в текущий момент.

Один француз… (да, нет, это не про того графа, что изобрел ту растяжимую штуку; это про другого, который королем был).

Вобщем, звали его Людовик под инвентарным номером четырнадцать.

Так этот самый Луи соизволил однажды спустить такое разъяснение:

– Государство,– сказал № 14,– это – я.

Но так это ж когда было! С той поры столько воды утекло – пойди угадай: какие теперь в ходу размеры.

Что если очередной номер додумается, что государство – его левая пятка?

Тут надо быть сверхъосмотрительным, чтоб ничью мозоль не зацепить: а вдруг да окажется государственная, а мы ж не дети малые, нас можно покарать и вдоль и поперек…

Ну, а когда на деятеля средств массовой информации накатывало вдруг вдохновение и нежданно выраживалась какая-нибудь поэтическая, скажем, строка в таком, например, стиле: “Какое небо голубое!”, то самоцензурный элемент в его сознании бдительно всполашивался и призывал к порядку:

– Это ты на что такое намекаешь? Небо-то, оно наверху. А верхи, значит – руководство. Так ты, стало быть, имеешь ввиду, что все наши правители педерасты?

И в клочья рвалось злосчастное недовырожденное творение… Ну, его к лешему, а то ещё, чего доброго, сам окажешься на крайнем севере родного региона, где козам рога распрямляют.

Но, повторяю, всё это имело место в некоторой очень и очень далёкой отсюда стране, и если кому-то взбредёт на ум усомняться, или же параллели проводить какие-то странные, неоправданные, то подобная линия идёт вразрез с интересами… ну, сами знаете, не

дети малые. У самих, небось, уже дети есть, м-да…

Когда давнишний мой благодетель, Максим Ервандович Ованисян —ради блага детей моих—согласился дать мне работу, он прекрасно сознавал с кем связывается.

Первая же проба пера (статья про студенчество и их взгляды) не обманула его опасений.

– Желчно пишешь. Сарказма много. Зачем?

Моих путаных пояснений, что не я пишу, а через меня пишется; что пишет ручка, которую я держу, и пишут мною, не знаю кто, чтоб выписалось вдохнутое Красное Словцо, он и дослушивать не стал, отмёл как пустые метафизические бредни.

Чуть посверлил меня посверкивающими бликами своих очков и сделал блестящий, по своей виртуозности, ход:

– Тогда, вот такая тебе тема. Напиши как ты живёшь на свою учительскую зарплату. Скажем, послала тебя теща на базар и с чем ты оттуда вернулся.

Ох, искушен. Ох, умудрен многоопытный Максим Ервандович! И ход его прост, как все гениальное, и гениален, как все простое.

Вот тебе тема – ты и рыночные отношения. Теперь – валяй! – либо выбрызгивай свою желчь на рыночные отношения (на которые уже столько всякого натрухано, что от пары лишних плевков им ни тепло, ни холодно), либо, для разнообразия, можешь посарказничать в свой личный адрес. Короче, любезный, тема тебе дана, иди и раскрывай в меру своего таланта, хе-хе, или кофейком тебя угостить на дорожку?

От кофе—по закону жанра—пришлось отказаться.

Ну, а коли уж пошел такой ва-банк, слушайте… а вернее – смотрите. Раскрываться, так раскрываться! Вот он – обещанный…

Семейный портрет в интерьере из рыночных отношений:	
ФИО и возраст:	Профессия и стаж:
Огольцов Сергей Николаевич, 44 года	слесарь (2 года), каменщик (9 лет), шахтёр (0.4 года), прессовщик (1 год), аналитик-переводчик (3 года), учитель английского (8 лет)
Месячный заработок: 15 тыс. драм в АрГУ + 15 тыс. драм в СГУ	
Цатурян Сатэник Александровна, 34 года	учительница физики и труда (12 лет)
Месячный заработок: 10 тыс. драм в школе № 8	
Багдасарян Рузанна Артуровна, 15 лет	ученица десятого класса
Месячный заработок: 00.00 тыс. драм	
Огольцов Ашот Сергеевич, 8 лет	ученик четвертого класса
Месячный заработок: 00.00 тыс. драм	
Огольцова Эмма Сергеевна, 3 года	независимая естествоиспытательница и исследовательница окружающего мира
Месячный заработок: 00.00 тыс. драм	
Ованисян Эмма Аршаковна, 72 года	пенсионерка
Месячная пенсия: 8 тыс. драм (вместе с надбавкой за инвалидность)	

Имеются также:

– самодельный дом с некоторыми удобствами;

– 6 соток земельного участка на здорово пересеченной местности;

– петух (один);

– куры (две) – подарок одной из своячениц.

Вобщем, на рынок тёща меня не посылает, все финансы в руках её дочери – Сатэник.

Зарплату из двух университетов я ставлю на стеклянную полку в серванте (подарок другой свояченицы), а если случается опаздывать на работу, Сатэник выдаёт мне 30 драм для маршрутки.

Приятно, наверно, постоянно чувствовать в своем кармане тугую пачку крупными купюрами. Не знаю, не приходилось. Но не в деньгах счастье. И не в золоте.

Главная на свете драгоценность – янтарь. "Сатэник", в переводе с армянского, обозначает "янтарчик".

О, какая это женщина! Какая женщина!

Одна поэтическая особа (шесть сборников стихов за спиной) беспомощно развела руками и сказала, что во всех словарях не набрать достаточно эпитетов, чтоб передать какая Сатэник роскошная и восхитительная, и обольстительная и... опять развела руками.

Ну, это всё я и без словарей вижу, чувствую и говорю.

А Сатэник отвечает, что это низкая подлость – взвалить всю ответственность на неё. Принес свои несчастные тридцать тысяч – и горя мне мало, а ей потом выкраивать да плакать, что у детей этого нет, того нет; и на хлеб занимать приходится, а потом самой же в очередях выстаивать. А слова такие я ей говорю только затем, чтоб она меня в магазин не посылала.

И это правда. Зимой мне почти не пришлось торчать в многочасовых очередях под хлебным магазином: ходила она с Рузанной, а я отсиживался в тепле да писал планы уроков, которые студенты всё равно прогуляют.

Впрочем, такие отповеди слышу от нее только под конец месяца, когда зарплата кончилась, а в долг, у кого можно было взять, взяли.

Да, весь фокус в том, чтоб пережить конец месяца, а в остальные недели… О, какая она женщина! Заявляю со всей ответственностью сорокачетырёхлетнего опыта.

Туже всего приходится, когда она наслушается заумных речей из телевизора: про экономику, корзину потребителя и прочее такое. Тогда она берёт карандаш и начинает вычислять наш семейный бюджет.

После этих расчетов я пару дней хожу в негодяях, способных только детей плодить, а не кормить их.

Но всё равно люблю я её. Потому что ж—О!—какая женщина! (Когда не думает про бюджет.)

А телевизор я не люблю, хотя и зла ему не желаю – чем нормальней он будет показывать, тем больше зрения у детей сохраниться. Удивляюсь, как они там какие-то ещё мультики различают, между всех тех смутных пятен и полос дырдырамных.

Ну, а бюджет – что? В нём же всего не учтёшь. Иногда и шальной перевод подворачивается, или свояченицы какой-нибудь продукт передадут.

Расходы на свое личное содержание у меня сведены к минимуму. С декабря 91-го я перешёл на вегетарианскую диету и безалкогольный образ жизни. На аптеки тоже не трачусь—два раза в день повторяю комплекс из четырнадцати с половиной оздоровительных упражнений по системе йогов.

Хотя, что четырнадцать с половиной это, пожалуй, громко сказано: из того половинного упражнения у меня едва ли и треть получается.

От бритья бюджету тоже никакого урона: не бреюсь вовсе – бороду запустил.

Когда приходится совсем туго, Сатэник плачет и говорит, что во всём борода моя проклятущая виновата – отпугивает потенциальных учеников английского и нет у меня из-за неё никаких абитуриентов желающих готовиться к вступительным. Но

они ж не дураки, платить тому, кого в экзаменационной комиссии и близко не будет.

Иногда она хватается за ножницы и отчикивает от моей бороды сколько ухватит. Я не слишком-то и сопротивляюсь. Зато потом какая!..

Вобщем, мой вклад в бюджет, по большей части, пассивный – не трачусь на то, обхожусь без этого.

А непредвиденные бюджетные доходы это чаще через Сатэник. Она ведь ещё и шьет на дому. Случается по два платья в месяц, бывает всего одну юбку в два. Пойди тут поучитывай.

Рузанна девушка красивая и рукодельница. Вот только посуду мыть наотрез отказывается, наверно считает это не к лицу для Мисс Арцах-2000.

Ну, а запросы – как у всякой взрослой дочери. Порой помогают родственники её биологического отца. Особенно эмигрировавшая в Грецию тётка.

Ашоту переходят одежды от его кузенов постарше, но иногда и мы, конечно, покупаем, или Сатэник пошьёт, но и то, и другое и третье он приканчивает одинаково быстро.

Как ни глянешь, всё-то он над книжками, а одежды не напасешься, будто он в натуре через джунгли всех тех затерянных миров с таинственными островами продирается.

Трёхлетняя естествоиспытательница Эмма подгрызает устои мира: основной инструмент познания у нее – собственные зубы, а когда даёт ему, миру, передышку, начинает разговоры разговаривать:

– А я – чивалек?

– Ну, конечно, человек, милая.

– Я – хороший чивалек! Хочу *цамон керять*[2]!

Эмма Аршаковна поддерживает дипломатические отношения с внешним миром, в лице соседей и знакомых проходящих мимо подворья, и наводит порядки в доме. Просто диву даёшься: до чего

много порядков можно напхать в такой маленький дом. Но позиция Эммы Аршаковны остается непоколебимой – *карог а аркаверь кя*[3].

Куры иногда несут яйца. Меня применяют как придаток и движущую силу к лопате и прочему инвентарю на садово-огородных работах.

Так оно и катится, пока не подступит мертвый сезон – каникулы. Два, практически, неоплачиваемых месяца. А дети малые, а цены высокие, а телевизор уже и не показывает ничего, но все бубнит, гад, про корзину потребителя.

Короче, я пришел в редакцию газеты и сказал: – *Сезончик-мард эм*[4], готов писать что прикажете.

Максим Ервандович призадумался, но согласился, хоть и знал на что нарывается…

Но Сатэник и тут меня обскакала, она работу прежде меня нашла…

Много есть между людьми разногласий – политических, эстетических, этнографических, но в одном взгляды всех сходятся. Как вы посмотрите на мороженое в нестерпимый солнцепек?

А посмотрите вы с вожделением. Мороженое все любят.

В Степанакерте есть два цеха по производству мороженого: один на госмолзаводе, а другой частный, в пригороде Мялы-Бялы.

Начинается жара – открывается сезон и цехам требуются работницы: заполнять, снимать, заливать, фасовать, чтоб назавтра было чем наслаждаться прохожим на улицах столицы.

Про молзавод данными не располагаю, а в Мялы-Бялы работа в две смены и 90% рабочей силы – преподавательницы из городских школ.

Хозяину выгода двойная: новым работницам процесс производства недолго приходится объяснять – все с высшим образованием, на лету схватывают; а во-вторых, у преподавателей

язык хорошо подвешен, так что в городе теперь, на средне-образовательном уровне, только и разговоров, что про виды да сорта, да про высококачественность мороженого из этого цеха.

За производство одной порции мороженого работнице полагается один драм, а рекламу они производят бесплатно.

Тёща моя сперва категорически была против, ещё бы! – вековые устои Востока в тартарары.

Вторая смена кончается заполночь: час ночи, два часа, три часа ночи, а женщина не дома. Потом придёт расскажет про заминку на производственной линии, или как забарахлила машина у водителя развозящего вторую смену по домам. Да и не под дверь же подвозит.

Женщина. Одна. В ночном городе. Без надлежащей охраны и должного надзора.

Вот куда завели эти рыночные отношения!

Мало того, что ты от денег отказался и от мяса, и от спиртного – теперь ещё и жену отдай, а сам, проснувшись в час, в два ночи—один в пустой кровати—крутись одиноко, да отпихивай из головы всяческую белиберду, что нагло подсовывает эта сволочь – оборзелое воображение.

Не каждый муж такое выдержит. Некоторые запрещают женам заниматься этой подённой, то есть, понощной сезонщиной.

И такая несознательность, между прочим, создает иногда проблемы в процессе производства услаждений для дневных прохожих.

А я так вот скажу, мужики (хоть это касается и до прочих сословий), ежели усомняешься в своей жене, стало быть, ты в себе не уверен, в своих, значит, силах, а при такой неуверенности того и гляди, что и впрямь перестанешь справляться и тогда ей действительно один остается исход – насторону. А уж такого добра могут найти и поближе, чем в Мялы-Бялы.

К сожалению, у меня нет под рукой точных статистических данных по затронутому вопросу, но, полагаю, элементарный житейский опыт не сочтёт слишком смелым предположение, что процент мужей-рогоносцев окажется одинаковым как среди супругов "домашних" женщин, так и женщин занятых в сфере производства, обслуживания или любой другой "вне-домашней" экономической деятельностью.

Где есть спрос, есть и предложение. Иными словами – *чьюры чампа кыгытни*[5].

Помните, с чего начинаются сказки "Тысячи и одной ночи"?

Там один, понимаешь, джин, посадил женщину в сундук, на сундук замок навесил и даже дома не оставлял, а повсюду при себе таскал, чтоб, значит, была гарантия, что женщина эта только его и что ни-ни… Ну, так что из этого вышло?

Да что я вам – сказки тут нанялся рассказывать? Вы ж не дети малые. Возьмите да перечитайте сами.

А у меня дела поважней найдутся. Вот сейчас выйти надо – засветить лампочку во дворе.

Потом приду и лягу в пустую супружескую постель и засну, если повезет, а к часу—или там к двум—проснусь: дожидаться как затопочут от калитки к двери туфли Сатэник; пленительной, обворожительной, неописуемо прекрасной Сатэник.

Да нет, не моей, конечно же, а просто – женщины, но зато какой женщины!

Гении Живящей Чистоты

Едва лишь в предутренней мгле прочертились волнистые контуры гор окружающих Степанакерт, едва лишь Эос—древняя богиня утренней зари—протянула розовые свои пальчики: потрогать в каком состоянии оставила уходящая ночь небо над городом – совсем чистым, или же в пушинках облачков? – а супруги Драванц Ашот Вартазарович и Асмик Арзумановна уже на ногах.

И в этот рассветный час, когда в городе мирно спят ещё и стар и млад, не одна только эта супружеская пара вкушают уже ранний завтрак при свете приборов искусственного освещения и покидают свои жилища, выходя на улицы нетронутые (пока что) лучами дневного светила.

В гулкую пустынность утренних улиц спящего города выходят также и Арега Хачиковна Акопян, и Элина Асцатуровна Карапетян, и Бягун Герасимовна Арзангулян, и многие другие из 147 гениев по саночистке, значащихся в списках штатного расписания степанакертского Госпредприятия Коммунального Хозяйства.

Но да не вздумается никому усмотреть легкомысленное словоблудие, либо иронию, совсем тут неуместную, в приложении определения "гений" к вышеперечисленным лицам, а также коллегам их.

Шутки в сторону! Речь идет о материях слишком серьёзных и потому термин "гении" употреблен нами не в вульгарно-банальном смысле—странный тип со всклоченной прической и шизоидным блеском глаз—нет! В данном случае слово взято в его изначальном значении: "гений – охранитель рода".

Именно на это—сохранение жизни рода человеческого в городе Степанакерт—направлены усилия гениев чистоты, когда они, своими насаженными на державки мётлами, проводят саночистку 4 тыс. квадратных метров “делянки” выделенной для каждого из них.

Много или мало: 4 тыс. квадратных метров?

Когда вы прошагаете от Шушва Угла вниз до железной калитки Роддома, знайте: проезжая часть улицы и тротуары по обе стороны этого отрезка как раз и составляют искомую площадь делянки на одного гения чистоты.

Для тех, кто это расстояние промелькивает на автотранспортном средстве, скажем, что своими размерами делянка совпадает со стандартным футбольным полем.

Ну, а теперь (заимев количественное представление) – идём дальше.

Сказано: "своими метлами". Но позвольте, разве Госпредприятие им метел не выдаёт?

Да, выдаёт – бывает, что раз в неделю; бывает, что раз в две. Так что особо добросовестным гениям приходится проводить самозаготовку из пышно разрастающейся в летний сезон полыни.

А что ещё выдает им Госпредприятие?

Единожды в год – халат и две пары рабочих рукавиц на зимний период. А ещё, конечно, зарплату. Шесть с половиной тыс. ежемесячных драм каждому гению, говорит Директор Госпредприятия Коммунального Хозяйста, Балаян Аркадий Айрапетович.

– Шесть тыс. 203 драма,– упорно утверждает одна из гениев.

Ну, а мы, придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела суверенного Госпредприятия, не станем доискиваться чья цифра точнее. В конце концов, цифры тоже ведь вещь относительная. К примеру, из 147 числящихся в штате саночистителей, по мнению Директора Балаяна, работают, где-то, 120 (при большой текучести кадров трудно говорить определённее).

В чем причина их текучести?

А взвесьте сами трудности данной профессии: не всякий выдержит ранние подъемы, обусловленные жесткими временными рамками – работу на своей делянке ты должен завершить к 7:30 утра, чтоб пешеходам не пришлось глотать саночистительную пыль.

Так что, несмотря на высокую зарплату (час работы подметальщика ценится на тридцать драмов дороже часа работы школьного учителя), на данный момент в Госпредприятии имеются 60 вакансий для желающих стать гением чистоты.

Даже и гениям не обойтись без специализации и разделения труда: если одни из них очищают выделенные им участки, то другие вывозят результаты их труда.

Транспортировка – это уже дело Хозрасчетного Автохозяйства при Госпредприятии, которым руководит Багирян Борис Вартанович – худощавый, подтянутый чёрным поясом мужчина, в усах и трехдневной щетине на лице, в стиле деловых людей Закавказья среднего звена.

И дел хватает, когда для 8 разношерстных автомашин и 2 ветеранов тракторного племени надо раздобыть столь дорогие нынче запчасти и не менее кусачее горючее.

Хочешь жить – умей вертеться, особенно если у тебя хозрасчетное хозяйство. Хорошо ещё хоть зарплата рабочим идет от Госпредприятия, которому из городского бюджета выделяется 38,7 млн драм и которое из этих денег направляет на саночистку 23,8 млн драм, вкладывая остальные миллионы в озеленение улиц столицы.

Данные государственные средства, как уже говорилось, уходят, в основном, на зарплату рабочим саночистки и 9 служащим аппарата управления Госпредприятия Коммунального Хозяйства.

А рабочие рабочим рознь. Если работать метлой и совком могут представители любого пола и неопределенного состояния здоровья, то уже для забрасывания собранного мусора лопатами в кузов самосвала нужна мужская сила и сноровка.

И обладатели этой силы не желают продавать её задешево. Пришлось Директору приложить к положенной им от государства зарплате еще по 5 тыс. драм ежемесячно и сейчас их заработок

сравнялся с заработком преподавателя государственного университета – 15 тыс. драм.

Однако, эти добавочные 5 тыс. драм—не предусмотренные госбюджетом—приходится покрывать из других статей и источников. В таких сложных условиях не обойтись без опытного и умелого бухгалтера, каковой и является Роза Бахшиевна Даниелян, Главбух Госпредприятия.

– Так откуда ж хозрасчетные доходы, госпожа Даниелян?

Основных источников два: во-первых, всякой душе, дышашей и проживающей в прекрасном городе Степанакерт, полагается вносить ежемесячную плату в размере 50 драм за удовольствие передвигаться по чистым тротуарам.

– Да, возможно ли такое?– воскликнет знакомый с местными условиями читатель.– Если даже Энергосбыт, с его подразделениями натренированных контролёров и таким мощным рычагом, как угроза отрезать свет, едва справляется, то где уж...

– От населения в этом году получено 1344 тыс. драм на саночистку.

– Да неужели?!. Как?!.

– Есть у нас способы,– интригующе хмыкнула Роза Бахшиевна, но карт не стала раскрывать, а сообщила далее, что от кооперативов и прочих "ЧП", которые платят по 222 драма за очистку каждого прилегающего к ним квадратного метра, получено, за тот же период, 1212 тыс. драм. Итого выходит около 2,5 млн драм.

– За полгода,– поясняет Директор Балаян,– а нам ежемесячно только на горючее нужно тратить 1,7 млн драм.

Так вот где собака зарыта! Теперь нам малость яснее, почему добросовестным саночистителям приходится применять собственноручно изготовленные мётлы.

И еще одно пожелание от Аркадия Айрапетовича.

Когда у Вас, дорогой читатель, не хватит уже нервов терпеть и дальше разнузданное поведение обнаглевших мух внутри и вокруг

мусорных ящиков вашего двора, или Вас оскорбит унизительная для человеческого достоинства вонь от наваляной кем-то, с краю тротуара, кучи хлама, не спешите хвататься за телефон и звонить в Госпредприятие Коммунального Хозяйства с требование немедленно прекратить возмутившее Вас безобразие.

Прежде чем позвонить, задайте сами себе два вопроса:

1. А ты внес плату за саночистку?

2. А где автохозяйству Бориса Вартановича взять горючее, чтоб среагировать на срочный вызов?

Размышление над данными вопросами приведет Вас к неизбежному выводу: без дотации Госпредприятию не выдюжить.

И если в прошлом году таковая дотация была получена в размере 12 млн драм, то в текущем, из-за бурных всплесков в местной политической жизни, вопрос о дотации откладывается и перекладывается с даты на дату и Ваше содействие в его решении (если имеете подходящие рычаги) даст больше пользы, чем телефонный звонок с целью выкричаться в трубку для отвода души.

Уже давно и неопровержимо подмечено, что всякий населённый пункт—а уж тем более город—это живой организм. И вряд ли кто найдет чем возразить на следующее заявление: здоровый образ жизни возможен лишь в чистом организме.

Недаром в любую из религий непременной составной частью входят наставления по гигиене: будь то обтирание тела песком из бархана, или втягивание воды одной ноздрей и выпускание её же через другую, или вечернее обмывание ног друг другу; цель у них одна и та же – втолковать необходимость содержания организма в чистоте, чтоб от больного тела душа не захворала.

Ведь от душевнобольного проку нет ни самому ему, ни окружающим его религиям.

Если город это организм, то люди, его населяющие – душа его, и наше здоровье напрямую зависит от чистоты на улицах нашего города.

В Степанакерте, до сих пор, не отмечались случаи эпидемий. Слава Богу! Однако, не только Ему, но также и Госпредприятию Коммунального Хозяйства.

И когда вы будете тамадой застолья—неважно какого (день рожденья, свадьба, крестины)—то, прежде чем выпить за прекрасных дам вообще, не преминете поднять тост за гениев столь нужной чистоты.

За тех, кто помянут в данной статье, и за тех, кто нет.

За рядовых метельщиков, которые ни свет, ни заря уже на своих постах, уже охраняют нашу жизнь и здоровье; и за зорких их бригадиров:

– Шахназарян Анжелу Георгиевну,

– Акопяна Паргева Петросовича,

– Андраняна Самвела Галустовича;

– и за начальника участка саночистки – Юрия Шагеновича Айрапетяна.

И за того, пока ещё нераскрытого, мыслителя, в чью светлую голову пришла гениально простая идея: нарезать из широких азбесто-цементных труб уличные урны под мусор.

Вы их, наверное, замечали – именно они, при всей своей карцерогенности, придают тротуарным пейзажам цивилизованный оттенок.

Не все, правда, умеют ими пользоваться, но это не беда: авось, учителя да и научат как оно делается...

Ну, а пока просто порадуемся что в Степанакерте есть и действует Госпредприятие Коммунального Хозяйства.

Ваше здоровье, спасители наши!

Праздник Длиною в Пять Недель

Если судьба ваша сложится так, что в без скольких-то минут восемь утра вы окажетесь на “Пятачке” и не слишком при этом будете поглощены созерцанием своего внутреннего духовного мира, или многодрамными арифметическими вычислениями, или погружениями разной глубины в воспоминания о лично вами прожитой жизни, или составлением планов и проектов на жизнь будущую, то непременно приметите стайку разнокалиберной ребятни—лет от 9 до 12—в радужно-красочном оперении из пестреньких легких летний одёжек, которые чего-то дожидаются перед зданием госбанка, оно же и минфина.

Но вот из под деревьев “Пятачка” перебегает дорогу запыхавшийся дозорный, крича им: "Идет!" – и вскоре из улицы Ереванян выворачивает, поблескивая чистой вымытостью стекол и вишнёво-красного корпуса, угловатый ПАЗик последнего выпуска.

В салоне автобуса, даже крутой рок рвущегося из динамиков хита "Я – ворона, я – ворона!" не в силах заглушить щебетанье унасестившейся на сиденьях детворы, покуда по ту сторону широчайших окон с белым колыханьем занавесок прокручивается улица Азатамартикнери до Кольцевой, сменяясь улицей Экимяна и спуском к Набережной и вверх по ней же – до полной остановки напротив настежь распахнутых ворот под вывеской "Лагерь Каркар организован с участием Армянской Американской Евангелической Церкви".

Дети выстраиваются в яркую колонну, берясь за руки попарно и потройно, под внимательным присмотром пары-другой высящихся над колонной взрослых. В таком порядке минуют они ворота, а автобус уходит во второй рейс – за остальными.

Крутой спуск за воротами низводит к широкой долине, где неудержимые струи говорливой Каркар отодвинули отвесную стену противоположного берега, чтобы тут—в широкой дуге речной

излучины—привольно разместилось футбольное поле, окаймленное древними редкостоящими шелковицами, что раскинули свои зелёные своды над колоннами неохватных, узловато могучих стволов, а рядом, но чуть выше – одноэтажное строение нескончаемой длины, обращённое всеми дверями своей верандной стороны к полю и деревьям.

И в миг, когда распахивается перед тобой эта прибрежная долина, возникает ощущение радостной праздничной приподнятости, что не покидает тебя даже когда догадаешься, что весь фокус в полыханьи ярких гирлянд из разноцветных треугольных флажков, натянутых между строением и деревьями и просто от дерева к дереву, и они то трепещут под ветерком, то упокоенно зависают—желтые, зелёные, синие, красные—штандарты со шпилей сказочных замков детства, слетевшиеся вдруг все сюда: в королевство неумолчной непоседливой малышни с редкими вкраплениями воспитателей-Гулливеров.

Впрочем, шум становится сдержанней, когда прибывает остальная часть детей и смена, в полном составе, усаживается завтракать за столами под синим тентом на левом фланге нескончаемого строения, перед дверью размещённого тут пищеблока.

Покушали – пожалуйте в зал, у которого стенами – дальний берег реки, а крышей – синяя высь неба, да резная листва старинных шелковиц.

Десять рядов-ступеней, с пригвождёнными квадратно-струганными брусьями сидений для зрителей-слушателей, сбегают к утоптанной сцене-площадке, которую замыкает высокая и стройная фигура лотарингского креста из белых перекладин, к поперечным концам которого сходятся нити всё тех же флажковых гирлянд от деревьев.

Справа от сцены врыт железный стол, заваленный глянцевыми полотнищами бело-атласного картона с рукописными крупными

строчками на армянском.

Позади стола—под ближайшей из шелковиц—лоснится коробка клавиатуры синтезатора.

Начинается урок закона Божьего. (Так обозначено в Режиме Дня, а на деле это больше напоминает эстрадно-песенный конкурс.)

Сестра Нарине обратилась к слушателям с недолгим словом, потом все зажмурились и склонили лица к молитвенно переплетённым пальцам рук: выговаривая заученные напамять слова, и вот уже сестра Сильвена заиграла на синтезаторе безоблачно ритмичную мелодию и слушатели превратились в певцов-исполнителей мажорных песенок, текст которых написан на белых листах такой величины, что их приходится держать двум братьям-воспитателям.

И они не только держат, они тоже поют и, как все, повторяют обращенные в небесную вышину жесты руководящей хором сестры Нарине, или подменяющей ее иногда сестры Анаит, и при этом умудряются показывать на полотнище какая сейчас поётся строчка.

Потом проводится конкурс отдельных девочек-солисток и зрители, аплодисментами и непринуждённым визгом, выбирают лучших.

Конкурс чтецов цитат из Святого Писания снова сменяется хоровым пением и в 11:00 (минута в минуту по расписанию!) отряды расходятся, всяк под свою шелковицу, на разостланные там суконные одеяла – проводить урок ручного труда.

И в тебе уже зарождается вера в расписание Режима Дня.

Андриян Карен Павлович никак не согласен на титул начальника лагеря:

– Понимаете, коллега, у нас тут равноправие. Все вопросы решаем коллегиально.

Тем не менее, по всем вопросам, что в былые времена входили в компетенцию начальников бывших пионерских лагерей с "линейками" и горнами, равноправные коллеги обращаются именно к нему.

По чёткому и доходчивому изложению видно, что он владеет информацией:

– Лагерь действует третий год. Механизм такой: Армянская Американская Евангелическая Церковь (ААЕЦ) выделяет финансы, восемь членов этой организации, но уже не из Америки, а из Ванадзора в Армении, приезжают сюда вести идеологическую работу.

Группа из восьми душ – три брата и пять сестер. Старшим у них брат Самвел, но он сейчас не здесь, а в Ванадзоре – встречает руководство из Америки. В его отсутствие главенствует его супруга – сестра Нарине. За детьми смотрят шестеро местных воспитателей-степанакертцев.

Работаем с 3-го июля по 10 августа сменами по 9 дней. В каждую смену принимаем по 150 детей.

Питание трёхразовое. В день на продукты для каждого ребенка расходуется 2,5 доллара, да плюс на автобус, на содержание медика и на приобретение самых лучших лекарств в аптечку.

Есть и ещё плюсы, но самый главный – наш повар: Арега Сергеевна Арутюнян. Представьте, коллега, если наши жены могут что-то вкусно приготовить на трёх-четырех, она сготовит так же—если не вкуснее!—хоть на 200 человек.

(Впоследствии мне была предоставлена возможность убедиться, что Карен Павлович ничуть не преувеличивал.)

Решением правительства НКР от 14 июня 1997 года, территория занимаемая лагерем: от ворот и до реки Каркар, была передана в вечную бесплатную аренду Армянской Американской Евангелической Церкви (ААЕЦ). Нынешний визит руководства ААЕЦ предпринят с целью рассмотрения местных условий для развертывания предполагаемого строительства. (Благая весть для местных строительных фирм! Если проект не перехватят подрядчики из Армении.)

Давид Григорян, или "брат Давид"—как его называют 30 малолетних душ отряда Ляв Кац —житель Степанакерта.

Натренированным на службе в ПВО армии НКР взглядом, он зорко следит за перемещениями своих подопечных по отведённому его отряду сектору, время от времени кратким властным окликом восстанавливает должный порядок среди непоседливой ребятни, и попутно просвещает меня о выгодах такого отдыха с духовным уклоном:

– девять дней бесплатного, но полноценного питания;

– обучение манерам поведения (некоторые малыши, по ряду причин, не умели держать себя за столом);

– усвоение новых красивых слов: "вера", "любовь","сотворение" и другие станут приятным и ценным дополнением к имевшемуся запасу из "маршутка","чингачук[6]", "лакот[7]";

– тренировка в изящной жестикуляции – призывно указать пальцем ввысь, или плавно показать благожелательную открытость сердца.

Аккуратная татуировка креста на загорелом запястьи воспитателя замечательно вписывается в его рассуждения о небывалой духовности собственных детей брата Самвела и сестры Нарине, что тоже отдыхают здесь, при лагере.

Попросив кого-то из проходивших мимо братьев присмотреть за малышами, он проводит меня в комнату, где собраны детские поделки сотворённые на уроках ручного труда: макеты и рисунки колодца из Св. Писания, фигурки персонажей оттуда же, исполненные из толсто-ниточного волокна привезенного ванадзорской группой.

Упомянутая группа, в углу этой же комнаты, вполголоса репетируют очередную песенку, что Исус надежда и опора.

– Сестра Нарине, давно вы этим занимаетесь?

– Шесть лет. А сестра Анаит – три года. Сестра Сильвена (клавишные) – первый год.

– А после окончания лагерного сезона в Степанакерте?

– Работаю в евангелических воскресных школах Ванадзора и других мест в Армении.

Надо отдать должное – группа высокого профессионализма.

А праздник безудержно катится дальше в пульсирующем танцевальном темпе.

И были "Веселые старты" с непременным бегом в мешках и другими забавами. И обед из трёх блюд. И футбол, бадминтон, пинг-понг. И снова концерт, где пели все под четкий аккомпанимент и подсказки с белых полотнищ.

А в одном из номеров на сцену-площадку перед врытым крестом энергично ввернулся Карен Павлович с поблескивающим хвостиком антенны на трубке беспроволочного телефона.

Сестра Нарине, всё поняв с полуслова, продиктовала неписанную строку и хор детских голосов стройно проскандировал к воздетой трубке беспроволочного телефона: "Барев, брат Самвел!", чтобы на том конце, в Ванадзоре, прибывшее из Америки руководство услыхало и умилилось бы безоблачному детству под ликующий перезвон синтезатора и шелест вдруг затрепетавших под ветром лиственных сводов шелковиц и неугасимых флажков-треугольников…

Когда праздник этого дня подошел к концу, чтоб снова начаться завтра, первая партия детей поднялись к воротам, за которыми их дожидался ещё раз вымытый автобус.

Они взошли в него, не примечая уже приевшийся сатанинский оскал волосатой звезды рок-ужасов с обложки долгоиграющего альбома Cradle of Filth, прилепленной за толстым стеклом между салоном и кабиной водителя, который беспрестанно требовал не трогать занавески и не раздвигать их, и ни в коем случае не открывать окна.

А какой-то пацан завёл бурную агитацию, чтоб, когда смена кончится, никто не вздумал бы сдавать обратно полученные в лагере

значки—синие, размером с пятак, кружочки, перечёркнутые тонким лотарингским крестом, а по ободку наименование организации—ААЕЦ.

И возвращающаяся в город воспитательница из местных не стала его одёргивать, но даже ещё раскрыла свою сумку, достала оттуда и протянула—светловолосому пацану в линялых, заплатанных, жарких джинсах —лёгкие шорты нездешнего производства, сияющие безупречной незапятнанной белизной, белые-пребелые шорты, как на лагерных ангелочках – на дочурках брата Самвела и сестры Нарине.

Несостоявшийся Ад

Недаром говорил великий и мудрый (потому и несменяемый) редактор правительственной газеты Максим Ервандович Ованисян, что темам для написания «материала» нет числа и края. Они на каждом шагу – просто иди и видь.

При подходе к исполнению творческой задачи написания (самым благожелательным тоном) цикла очерков о прекрасных людях замечательного города, чтобы жители этого города увидали б себя (вроде, как в больших кусках зеркала) в этом цикле; распознали бы знакомые улицы и уголки своего города,– у меня сложился смутный, но план: показать как на протяжении летнего дня живут, работают и ... ну, что там еще подвернется... прелюбезные мне степанакертцы.

И открылось мне, что для нахождения темы порой и шагать не надо – они (темы-то эти самые) сами собой сцепляются в цепочку и тянутся друг за дружкой и каждая влечёт за собой следующую – успевай только обрабатывать, не сходя с места.

Нужны доказательства? Пожалуйста!

По выметенной (на славу!) героями первого очерка мостовой, блистательно вымытый автобус-ПАЗ из второго очерка отвозит ребятишек на отдых в городской лагерь КАРКАР.

От настежь распахнутых лагерных ворот видишь—не сходя с места!—не просто открытые, но и вовсе снятые с петель ворота через дорогу напротив.

Городской асфальто-бетонный завод.

В самый раз для темы номер три: после праздничной дневки в райском уголке средь беззаботной детворы, взять да проследить биение—отличный контраст!—трудового пульса города.

И «материал» же ж – загляденье: в испепеляющем зное косматого солнца дорожные рабочие укладывают пышущий обжигающим жаром асфальт.

Подбавлю еще инфернальных деталей: про скрежет зубовный изнемогающих от жары механизмов, про котлы с кипящей смолой и геенные языки пламени. Впихну туда интервью с директором—без цифер что за газетный очерк?—и пополнится цикл очередным фрагментом.

Договорились? Ну, тогда – за мной, читатель! В снятые с петель врата в Преисподнюю.

В полупустой конторе у ворот мне сразу объяснили, что не туда попал: обустройством транспортных артерий и магистралей города занимаются другие—более мощные—предприятия Степанакерта, а это заведение пока не работает, они всего три дня как учредились.

– Но у вас же вон дым идет из трубы!

– Критиковать будете? Дым у нас в пределах нормы – там дымоуловители стоят.

Это правда – дым из широкой трубы в глубине заводской территории не черный, а светло-бурого цвета и, рассасываясь, редеет уже в ближайших 50-ти метрах окружающей атмосферы.

Ситуация постепенно проясняется. После годичного простоя асфальтный завод взял в аренду Мнацаканян Левон Генрихович. Мои собеседники пока еще стесняются называть его словом «хозяин», употребляют более обтекаемое «управляющий», хотя управлять ему тут явно некогда – есть дела поважнее.

Общее руководство осуществляет директор – Ишханян Сергей Ишханович, большой знаток предыстории новоарендованного завода. Он знает назубок с какими другими предприятиями и организациями Степанакерта его объединяли, разукрупняли, переподчиняли и так далее – покуда не был совсем остановлен год назад.

Моя неуклюжая шутка, что на данный момент их заведение самое счастливое: за три дня не успело накопиться никаких проблем, не то

что у ведущих гигантов местной индустрии, где рабочим не выплачивали зарплату с марта месяца – вызывает настороженное молчание директора.

Мне стыдно, что вышел за рамки своей творческой задачи—только о прекрасном, прелестном, приятном—и я уже постеснялся спросить: зачем он отпустил сантиметровый ноготь на мизинце левой руки? (Упоминание о таком украшении встречается даже ещё в рассказах Нар-Доса, но смысл его и назначение мне не известны до сих пор.)

Гаранян Гагик Сергеевич, с приятной открытостью черт лица, которую не в силах скрыть постриженная через расческу борода «а ля богема», пока ещё не определился – кто он: зам директора или главный инженер?

В штате предприятия сейчас 22 человека. Если вычесть семерых рабочих бригады, четырех механиков, двух водителей и пару бухгалтеров с директором, то на душу оставшихся работников аппарата управления остается масса всевозможных должностей: выбирай – не хочу.

А у побритого позавчера Айрияна Левы Георгиевича все четко: он – главмех, как и в былую эпоху.

Есть ещё один молодой человек спортивного кроя с непроглядно черными очками от солнца. Судя по его новенькому, с иголочки, вездеходу «виллис», это – доверенное лицо управляющего, для присмотра как оно тут и что.

Получив разрешение администрации проследить весь технологический цикл производства, отправляюсь к «пещи огненной» – впечатлиться.

И тут мои дьявольские замыслы треснули и испустили дух – даже горячечно поэтическое воображение не выжмет из будничности представшего зрелища картину ада для покаранья грешных душ.

На вершине насыпного кургана – фигура дозорного-сигнальщика: следит, чтоб бульдозер придвинул сколько надо песка с мелким гравием на подачу во вращающуюся трубу-барабан, из которой

доносится гул напористого пламени форсунок, незаглушимый даже лязгом закрытых транспортеров, что перебрасывают горячую смесь в выходной бункер на помосте, где орудует рычагами коренастый оператор, поблескивая патрицианским перстнем-печаткой на левом мизинце. Готовый асфальт ссыпается в стоящий под бункером ЗИЛ водителя Ромы.

О, сколько открытий может напихаться всего в один день!

Оказывается какой-то немец Дитрих из Ленинграда, тот самый, что, кажется, приватизировал какой-то винзавод, теперь ещё открывает шикарный магазин в Степанакерте и первая продукция вновь открытого асфальтного завода идёт на благоустройство вокруг него.

Под бункер заезжает КАМАЗ Радика. Он согласен прихватить и меня на объект, но только это будет после обеда.

Возвращаюсь в привратную контору, откуда все разъехались на перерыв, кроме бухгалтера (она же начальник отдела кадров) Арутюнян Жанны Артемовны. Оторвавшись от чтения романа, она делится со мной информацией годичной давности.

Год назад:

– бухгалтера получали по 18-22 тыс. драм (ну, и сколько еще подвернется);

– те, кто на лопате, по 30-45 тыс. драм (ну, и сколько еще подвернется);

– шофера по 25-30-40 тыс. драм (ну, и...).

Так было год назад, но, с учётом стабильности цен на бензин, вряд ли стоит предполагать наличие радикальных перемен в нынешних заработных платах.

В ответ, она спрашивает зачем мне вообще всё это.

– Статью написать – деньги заработать.

Сочувственно вздохнув, Жанна Артемовна ставит передо мной широкую пиалу яблок-скороспелок и тактично уходит в гулкие недра порожней конторы.

Яблоки вкусные. Перерыв долгий.

За решеткой окна на жаре, в пыли проезжей дороги, рабочие—не знаю чьей фирмы—таскают раствор носилками и устанавливают рафинадно-белые бордюры из пиленого мрамора; кладут придорожную опорную стенку.

Меня начинает клонить в сон. Чтобы не упустить Радика, перебираюсь додрёмывать в кабину его КАМАЗа...

На выезде, Радик притормаживает у снятых с петель ворот и в кабинку набиваются еще четверо попутчиков в одеждах по довоенным модам, и на той стадии жизни, когда приходится приспосабливаться к печальному факту нехватки передних (а может и ещё каких) зубов.

Подымаемся вверх по Экимяна и, не доезжая до конечной остановки маршруток, сворачиваем за лимонадный цех, к крайним девятиэтажкам.

А магазин, пристроенный к одной из девятиэтажек, и впрямь – игрушка. Словно собран из ярких лакированных блоков ЛЕГОГО.

Пока привезенная в кабине КАМАЗа бригада переоблачается в рабочие одежды, решаю (чтоб не торчать на солнцепеке) полюбопытствовать: какой он изнутри – это чудо торговой архитектуры.

Обогнув полосу свежеукатанного асфальта—дообеденная порция—захожу в аквариумную прохладу.

Здесь наводятся завершающие штрихи – на возвышении в правом углу зала пара мастеров наклеивают на пол ковроткань; уборщица промывает узорчастую кафельную плитку перед входом, а в центре—в лёгких пластмассовых креслах арабского ширпотреба—заседает совет директоров предприятия.

Один и впрямь отличается арийской белобрысостью (сам Дитрих или доверенное лицо?) и, повиливая взглядом сквозь очковые стекла чайного цвета, на чисто русском языке объясняется двум

темноволосым девицам в своей любви к монументальному шедевру «Дедо-Бабо».

Прочие совещающиеся обмениваются краткими репликами на армянском: где и что надо ещё подбелить и подкрасить.

Моё появление тут не поняли, но минут пять терпели. Затем ко мне приблизился распорядитель плотного сложения, с толстыми развесистыми усами, и вполголоса пояснил, что тут заняты важным делом.

На выходе мне еще удалось взять эксклюзивное экспресс-интервью у подвернувшегося конфиденциального источника.

Магазину предполагается быть мебельным.

Называться он будет «ЛД».

Нет, аббревиатура никак не расшифровывается. Никак нет.

(Может «Любимый Дитрих»?)

А бригада уже в полной готовности. В ней на шесть человек:

– восемь лопат-совков;

– две трамбовки;

– одна пара рабочих рукавиц – на Валерике;

– две равняльные швабры;

– один ручной каток;

– две кепки: «аэродром» и синяя «американка» без опознавательных знаков – на Сарухане и Араме;

– одно ведро;

– две пары усов с проседью – у Сарухана и Ишхана Фараоновича;

– обувка – всевозможная: от комнатных тапочек на Асцатуре, до обрезанных по щиколотки кирзовых сапог на Валерике.

Радик подает КАМАЗ в указанное Арамом место и ссыпает первую порцию асфальта.

Дальше – просто: подходишь к пышущему жаром чёрному сугробу и вонзаешь ему лопату в бок, несёшь подхваченный асфальт за несколько шагов и швыряешь на общую полосу, где его спланирует Арам равняльной шваброй, а ты отходишь вспять к неубывающей

чёрной куче, увертываясь от несомых над землёй лопат товарищей по труду; а солнце шпарит, как поднесенный к черепу утюг. И так – один сугроб…

Второй…

Третий.

Наверно, всё это было б вовсе непереносимо, не затей Арам бойкий «зрюц»-перепалку со сторожем, которому велено прокопать борозды на взрыхленном предмагазинном газоне, да неохота.

По ходу дела вслушиваешься да и сам порой ввернёшь словечко, как жизнерадостно-общительный Асцатур, или старательный Юрик, или прохожая Эмма с железной косой на плече.

Только Валерик всё молчит: отнес-швырнул-вернулся, отнес-швырнул-вернулся; да Сарухан, что работает в одиночку, таскает взад-вперёд ручной каток на длинной железной ручке, если и подаст голос, то затем лишь, чтоб указать на погрешность в планировке укатываемой им полосы. Арам тут же находит сто оправданий, но возвращается подправить.

Асцатур вспоминает как в Кустанае, куда ездил сезонщиком до войны, один немец ему говорил: «Вы, армяне, хорошо работаете и стали бы лучшими мастерами в мире, если б не слишком спешили.»

Наконец, Радик ссыпает последнюю порцию.

«Зрюц» иссяк, но на выручку приходит насмешливое припоминание Ишханом Фараоновичем как кто-то, тужась выразиться на правильно литературном, ляпнул: *ашхадранк*[8].

Слово это становится скрежещущим кличем, перебрасываясь которым, бригада приканчивает последний асфальт.

– *Ашхадрранк!*

Теперь можно усесться в тени под стеной девятиэтажки на перекур, пока Радик привезёт солярку – заправить громадный механический каток Ишхана Фараоновича.

– Так где же обещанный ад?– занедоумевает, возможно, кто-то из читателей.

А чёрт его знает, *ахперь*[9]. Мы просто *зрюц ынк ынум, ли*[10]!..

Да Вы и Сами Это Всё Знаете

После аспидно чёрного асфальта, в самый как раз будет потолковать о "белых пятнах", которые изначально произошли из географии.

Когда люди цивилизовались и развились настолько, что понадобилась уже опись доставшейся им планеты, они принялись составлять географические карты.

То есть, придут в какое-то, скажем, место, и начинают его срисовывать на белую бумагу: тут вот речка течёт – сюда заворачивает; а вон там – гора стоит, лесом обрастает.

Но не во всякое ж можно добраться место. Особенно если горы слишком высокие, леса чересчур дремучие, а вместо рек – водопады гремучие. Или если местное население большие любители шашлыка из приблудных географов. Тогда такие места оставались на карте белыми – неописанными...

Самым белым пятном в ряду тем затрагиваемых и описываемых в местной прессе до сих пор оставался столичный базар.

Не то, чтобы его совсем уж обходили молчанием, как нецензурное слово. Нет.

В работах отдельных авторов он иногда встречается, но всего лишь как фон: "... отбившийся от рук пострел забросил школу и без толку слонялся по базару..."; либо как колоритный трамплин для перехода на другие темы: "...недавно встретился мне на базаре один старый знакомый и – вспомнилось вдруг..."

Если в приведенных цитатах заменить "базар" "парком" или другим каким общественным местом, никто и не заметит подмены.

А между тем—с учетом роли базара в наших частных жизнях, не говоря уж о нашей общественной—он вполне заслуживает быть предметом отдельного рассмотрения.

Вот почему так удивляет факт его "белопятности".

И не сказать, что расположение его чересчур труднодоступное – вобщем, как и все. На отсутствие бесстрашных журналистов в местных органах печати тоже не посетуешь – ходят и они на базар, как и все.

И, пожалуй, объяснение неописуемости данной темы как раз в самой ее повседневности. Трудней всего писать о том, что всем и без тебя известно.

Тут впору, по примеру древних, воззвать к богам заведующим вдохновением с мольбою подмогнуть в столь тяжком трудовом подвиге и ниспослать соответствующую музу, чтоб лира бренчала и перо скребло, но… возникает опасение, а вдруг и в ихних Олимпах перешли на рыночные отношения, а ты тут понятия не имеешь, сколько эта самая муза нынче берёт за визит.

Если же излагать сухой деловой прозой, то в Степанакерте, с высоты птичьего полёта, базаров – четыре, а при наземном обследовании – пять (добавляется зал в одном из помещений бывшего универмага АНИ, он же СКАЗКА).

Тем не менее, говоря "степанакертский базар" все подразумевают один-единственный. Базар.

Двое из перечисленных базаров – тот, что возле Каршелка, и другой, у станции "скорой помощи", не могут считаться таковыми по причине отсутствия там покупателей.

А у базара напротив автостанции функционирует, фактически, только наружный овощной ряд. Для вхождения ж внутрь нужно, как минимум, иметь второй разряд по альпинизму и быть счастливым обладателем хронического насморка.

Что же касается заведения возникшего в угловой секции без вести пропавшего АНИ, то это—максимум—торговый зал.

Базар это ведь не просто место, где можно купить чего-то, но ещё и место, где можно отойти в сторонку и обменяться важной информацией. В торговом зале, отходя в сторонку, утыкаешься в прилавок напротив.

Исходя из всего вышеперечисленного, предлагаю тот базар, который всем базарам базар и куда идут в Степанакерте, когда идут на базар, именовать в дальнейшем (чтоб другие не впутывались) базаром с большой буквы "б" – Базар.

Все дороги ведут на Базар. И если даже ваша, у истоков своих, была всего лишь горной каменистой тропкой, то перед степанакертским Базаром она превращается в широкий шедевр дорожного строительства по меркам западноевропейских стандартов.

Надолго ли хватит этих стандартов в условиях местного региона – неведомо. Но вот уже три надели как асфальт держится и радует всякого, кто приближается к Базару.

Не менее приятно впечатляет блистательное архитектурное решение высокого портала главных ворот Базара. Ни одесский Привоз, ни Рижский Рынок в Москве не достигали подобных высот за все 70 лет советской власти. Как тут удержишься, чтоб не войти?

Но не ждите от меня описаний обаятельного молодого человека под зонтом, справа, что зазывает вас помериться зоркостью ваших глаз с ловкостью его рук при разбросе трёх карт – вы все его видели; как и нищенку, слева, со смущённо протянутой рукой и младенцем в другой – все проходили мимо.

И не ждите красочных картин с буйным разноцветьем даров щедрой земли арцахской, вперемешку с импортными товарами массового потребления – услуги хозрасчётных муз мне не по карману.

А давайте сразу свернем налево и вниз, где—миновав вторые ворота—подходишь к невысокому крыльцу и двери нараспашку с неброской надписью "директор".

Сам Валерий Иванович Абрамян затягивается импортной сигаретой, в полуприседе на широкие перила крыльца, и собеседует с Бухгалтером Базара – Карапетяном Владиком Агасиевичем.

Выслушав рапорт о целях моего посещения, Директор приглашает в свой кабинет – тесную комнату с одним окном, парой столов и стульев, со шкафом и вокзальным диваном на троих, где по ходу разговора расположились уже представленный Владик Агасиевич и заглянувший полюбопытствовать Кассир – Григорян Самвел Армоевич.

Зашедшая чуть позже Контролёр, Абрамян Каринэ Алешаевна, за все время так и не присела и вышла раньше остальных.

Разговор шёл четкий и по существу.

В штате Базара – 12 человек. Помимо Каринэ Алешаевны есть ещё один Контролёр – Джамалян Ануш Борисовна. Они вдвоём обходят территорию Базара, взимая установленную плату с торговцев.

Цена чека-допуска от 250 до 300 драм. В зависимости от вида товара и занимаемого места.

– А когда видишь человека запенсионного возраста, что вынес десяток пучков зелени,– говорит госпожа Каринэ,– то просто рукой махнёшь, да и проходишь мимо. С такого чего уж брать?

(Тут я догадываюсь, что привратная нищенка стоит там без чека.) А карточный фокусник под зонтом?

Платит исправно, по 250. А в особо удачный для него день – все 500 отваливает.

За чеки, да от камеры хранения, куда сдают на ночь—за 50 драм—свои тюки с товарами "одежные" коммерсанты, Базар получает 5 – 8 тыс. драм ежедневной прибыли.

Деньги идут на содержание штата со своей охраной: один охранник днём и двое ночью, а также на финансирование строительных работ. Ворота (вы их видели) всего лишь верхняя часть айсберга.

Построен стационарный павильон в нижней части Базара. Сейчас работа кипит на сооружении секционного павильона. Подготовлены к пуску два фонтанчика питьевой воды.

Нет, платный туалет не из их ведомства, это частное предприятие, ведь на территории Базара имеются и независимые – приватизированные заведения.

В заключение прошу поделиться каким-нибудь прекрасным, прелестным или приятным фактом. Чтоб было чем попотчевать достолюбезных читателей распронаилучшей страны в мире.

Хлюп–плю-ю-юх!!!

И как мне только удалось не захлебнуться в тут же хлынувшем потоке жалоб и душераздирающих историй!

Люди добрые! Да для таких трагедий Шекспир нужен и просторы пятиактных пьес, а не три газетные столбца.

Основными струями в жалобном потоке были нарекания на налоги и на таможню.

Владик Агасиевич с наглядными цифрами в руках показал невыгодность столичного статуса для небольших городов. В Ереване, городе с миллионным населением, лицензия на занятие торговлей стоит 26 тыс. драм и в Степанакерте, где проживают 50 тысяч человек, такая же лицензия стоит столько же. Шансы несравнимы – цена одна.

Кто-то рискнет, а двое воздержатся. Выходит: один раз 26 – больше, чем три раза по 13?

Вон владелец платного туалета куда лучше разобрался в арифметике: у него цена услуг 25 драм – в два раза ниже ереванских расценок.

Короче, занятие коммерцией в таких условиях – гиблое дело и на этот крайний шаг идут от безысходности, просто некуда больше податься, когда не действует ни один завод, ни фабрика.

– Но позвольте, господин Бухгалтер, в таком случае откуда тут вообще деньги берутся?

– А это родственники присылают из России и прочего зарубежья.

Кассир, Самвел Армоевич, в свою очередь живописал беспредел таможни на въезде в НКР из сопредельной Армении. Заполняешь

декларацию, а потом, давай, распаковывайся и показывай поштучно, если, конечно, не откупишься.

А за фрукты и овощи требуют по 30 драм с килограмма – ровно сколько ты сам собирался на них заработать. Так какой, спрашивается, резон ездить – и себя тратить и деньги?

Но на это ещё как посмотреть, господин Кассир, ведь с другой стороны подобное поведение таможни – факт очень даже отрадный. Значит не перевелись ещё гордые люди!

Не желают таможенники жить на подачки-передачи от родственников, а хотят приходить на Базар с собственноручно добытыми средствами. Где и потратят их, чтоб вертелось колесо местной коммерции.

А то ведь до натурального обмена люди докатываются (говорит Каринэ Алешаевна): продавец из овощных рядов выменял костюм у "одёжников" на свою картошку.

В "одёжных" рядах сейчас полный штиль: редко когда заглянет клиент поискать “беззадники[11]”. Покупательная способность населения сосредоточилась на "закатке", на консервациях к предстоящей зиме.

Вобщем, подытоживает Директор Абрамян, Базар – дело сезонное. Есть в нём свои приливы и отливы. Вот перед началом учебного года прихлынут за школьной одеждой и прочим снаряжением. Потом опять спад – до последующих праздников.

Хороший получился разговор – откровенный и деловой. А главное – обнадеживающий. Ведь если при всех помянутых трудностях Базар живет и здравствует и строится, то нет на свете сил мощней его и сильнее. Он – победит!

И ещё одно тому свидетельство в том, что через день после этого разговора его тоже начнут асфальтировать.

Правда в России бытует поговорка: "обещанного три года ждут", но здесь вам далеко не Россия и теперь не упустите возможность проверить на практике – сколько ждут обещанного на восточном

базаре…

Штрихи к Портрету

О, как умиляют они своей юностью. И эти девочки, в прическах высмотренных у взрослых дам в телесериалах и рекламе. И солидно хмурые мальчики (подчеркнуть свою бывалость).

Ах, до чего они наивно терпеливы: вот уже битых три четверти часа в просторном спортзале школы № 3 им вдалбливают как надписать экзаменационные листки, а они смирно сидят—каждый за отдельным столом—сидят и не вертятся, не болтают, потому что они уже не школьники. Нет!

И не дети. ещё чего! Они – абитуриенты, и пустопорожнему инструктажу внимают как путеводным откровениям, как неотъемлемой части торжественного ритуала. Идет обряд приобщения их к не совсем ещё понятному миру взрослых.

Эх, дети-дети! То есть (прошу прощения!), – эх, молодые люди!..

Ещё вчера родители вели вас в Приемную Комиссию, сдавали ваши документы и о чём-то выспрашивали очаровательно доброжелательных секретарей Элеонору Александровну Григорян и Карину Жирайровну Григорян. Но сегодня родители уже отделены от вас.

Им уже не одернуть, не повести вас за руку, не дотянуться с высокого узкого балкона над баскетбольным щитом, где они плотно толпятся в три ряда. Тихие болельщики в бесшумном состязании; на вступительном экзамене в госуниверситет.

В Степанакерте на сегодня имеется семь вузов. И потому, взявшись писать портет города на фоне лета, немалым было б упущением не передать столь яркие штрихи – молодых абитуриентов с несшелушившимся ещё лаком юности на их иллюзиях и грёзах.

А лето уже миновало свой зенит; оно ещё не потускнело, ещё безраздельно властвует и ещё покажет свою мощь в приливах августовской жары, но по утрам уж солнце не спешит подняться

раньше всех, а в конце рабочего дня без оглядок уходит за кркжанский тумб, не для, как бывало, до бесконечности вечер.

Абитуриентам и родителям их не до перемен в природе. Они сосредоточенно шли на экзамен. Шли и не видели полужёлтых древесных листов, что прилегли на тротуаре там и сям. Шли, борясь с предстартовым волнением. Шли к одному из ключевых моментов своей жизни, к которому готовились. Ждали. Как и многие поколения отцов и детей до них. А теперь вот пришла пора им.

Да, они шли, но без былого азарта и самозабвенного накала страстей. Они знали на что идут. Знали уже что из этого выйдет.

А вы смогли б увлечься детективом, когда заранее скажут кто злодей?

Рынок приступил к возделыванию нивы просвещения. У него своя агротехника и главный инструмент – калькулятор. Умеешь считать – сразу вычислишь свои шансы на поступление в вуз, где ждут не дождутся твоих денег – в виде платы за обучение.

Семь вузов Степанакерта ведут борьбу за выживание. Закон рынка в сфере образования прост: хочешь жить – умей добыть студента, который даст тебе средства на существование.

У каждого в борьбе свои приемы.

Институт Искусств подкупает дешевизной платы за обучение. За год всего 120 долларов. Но, специальность, увы, слишком узкая: более 10-15 творческих натур в год ему не наскрести. Этим исчерпывается его квота на рынке. Он продавец пучков петрушки и кутема.

Перед абитуриентами без богемных склонностей встаёт вопрос: у какого вуза купить диплом и полагающиеся к нему знания?

Из остальных шести, только три вуза могут всерьез претендовать на ощутимую долю в разделе студенческого рынка – АрГУ, университет "Нарекаци" и СГУ.

Коммерческие университеты "Маштоц", "Урарту" и Ереванского Менеджмента тоже прекрасные учебные, но забег на длинную дистанцию им не выдержать. Они работают по знакомству. Схема такая: преподаватели, привлеченные сравнительно высокими заработками, в свою очередь, влекут туда же, в качестве студентов, своих знакомых и родственников.

Но, во-1-х, запас доверчивых знакомых не безграничен, а во-2-х, одни и те же преподаватели часто работают в нескольких вузах. Встаёт вопрос: в который влечь-то?

Однако, вернемся к трём китам местного высшего образования.

На чём держится университет "Нарекаци"? На своём ректоре. Г-н Вартан Акопян – личность колоритная. Поэт. Председатель местного Союза Писателей. Он решил собрать в своем университете лучшие преподавательские кадры Степанакерта и поимел возможность такого выбора и отбора, предложив самые высокие в городе ставки оплаты преподавателям. Помимо того, он работает над собой и в сентябре сего года планирует защитить диссертацию на звание доктора наук, полагая, что это станет наглядной гарантией качества знаний предлагаемых его университетом.

Всего лишь 2 момента в расчетах ректора Акопяна оставляют место для сомнений. Преподаватель получает у него 1 тыс. драм за одно занятие – о'кей, и тот же самый преподаватель за такое же занятие в госвузе получает 180 драм. Однако, убей, не могу представить, что на этих занятиях в разных местах даётся знание разного качества, ведь даёт его один и тот же человек, хоть и за разную плату. В результате, студентам представляется возможность купить одно и то же знание по разным ценам. А кроме того, где гарантия, что студенту вообще нужно это знание? Может единственная его цель – приобрести диплом?

На рынок выбрасывается масса разношерстных дипломов о высшем образовании их предъявителя. Как разобраться предпринимателям? Как не нарваться на "туфту"?

Вывод прост: испробовать владельца диплома через тест. А для сдачи теста нужны ещё и навыки работы с тестами, чтоб не растеряться и показать товар лицом.

Технику сдачи тестов лучше всего познавать в степанакертском представительстве московского СГУ.

Продвижение к диплому этого заведения с дистанционным типом обучения и есть процессом сдачи сменяющих друг друга тестов. Так что техника сдачи их достигается великолепная. А знания?

Ну, если уж задаться такой целью…

Но главный козырь СГУ в "конвертируемости" его дипломов. Это один из всего 8 российских вузов, чьи дипломы имеют международный статус. Если завтра, например, министерство просвещения НКР или Армении примет постановление, считать "настоящими" только дипломы местных госвузов, то в развитых странах с таким "узаконенным" дипломом вы можете рассчитывать максимум на должность мойщика окон. С дипломом же от СГУ вас примут на работу по специальности. Есть о том международная договоренность.

Несмотря на всё это, львиная доля студентов достаётся третьему киту – Арцахскому госуниверситету. Что поделаешь: сила инерции – великая сила.

Умом мы понимаем логичность рыночных расчётов, но задницей (поротой не одному поколению) трепещем перед приставками "мин" и "гос".

Государство, безусловно, на стороне АрГУ, начиная даже с декораций.

Когда при проведении вступительного экзамена прилегающая улица блокируется от проезда любых видов транспорта, а на входе в экзаменационный зал абитуриент минует двух увальней милицейского кордона – хочешь не хочешь, проникаешься осознанием, что ты связался с серьезным учреждением.

Абитуриенты входят в спортивный зал школы № 3 и рассаживаются—по одному—за столами.

Им раздают бумагу и ручки. Устраивают лотерейные игрища для выбора вариантов задания.

Они начинают писать. Перед ними сидит важного вида комиссия. На балконе слева родственники-болельщики. Под противоположным балконом справа – ксерокс под управлением обворожительной Беллы Дадаян, для желающих снять копии своих работ.

На стене за спиной – недрёмное око системы теле-надзора.

Где-то вне зала, на экране телевизоров, спины абитуриентов старательно согнуты над столами: девять рядов по семь в каждом. Не вздумай списывать – у нас оснащённость на госуровне!.

(Во всех шести не-госуниверситетах мне говорили одно и то же: "Мы провели первый тур. Набрано столько-то студентов. Ждем окончания приемных экзаменов в госуниверситете. Проведём второй тур для тех, кто не пройдет туда. Кто отсеется.").

На паре мониторов нахохленные спины. Исполняется непременный ритуал обряда приобщения к взрослому миру этих вот, уже не-детей.

(Ах, как они мечтали об этом моменте. О, как они ждали!)

Теле-око исправно следит. Госслужащие из минпросвета не сводят бдительных взоров с неизменной картинки на обоих экранах...

Не верите? Значит Вы – несерьёзный читатель.

Тогда я Вам лучше сказку расскажу:

Один человек разводил кур, которые несли золотые яйца. А при отыскании пищи эти куры разгребали землю исключительно правой ножкой, и только одна из них (почему-то) – левой.

И тогда этот человек сказал этой птице: "Уходи и несись где хочешь! А мне ты не нужна такая непорядочная."

Такие вот случаются расклады в сказках, а у нас: отсева – не будет!

Рынок не велит.

На Склоне Дня

День ещё не клонился к закату, но, пожалуй, был уже прожит.

В окошечке электронных часов, когда я отвернул покрывающую их манжету рубахи, чернела пять с двумя нулями. Мой срок истек.

Сказав об этом собеседницам, я встал из белого пластмассового кресла и обменялся прощальным рукопожатием с Вардануш Аслановной, которая сидела в точно таком же кресле слева, и с санитаркой Эммой – справа.

Выступив из-под навеса сваренной из труб детсадовской беседки, я двинулся к приглашающе распахнутым воротам из листового железа, за которыми открывалась широкая панорама на крутой склон городского кладбища и на дорогу—левее и выше—что ведёт туда, где склон сменяется небом.

Сизый дымок лениво вился из металлического ящика—узкого и высокого—у стены забора, рядом с раскрытой вовнутрь половинкой ворот.

Утром этого дня, когда я вступил сюда через высокий порог калитки в листовом железе закрытых ещё ворот, бодрые языки пламени вырывались из узкого ящика, пошевеливая подвяленную листву на боковой ветви близстоящего дерева.

Человек в летней рубашке из тех, что в нынешнем сезоне носит половина мужского населения Степанакерта (расцветка шахматкой с решеточкой поверх), покачивал, для зарядки, верхнюю часть туловища, ухватившись за торчащие из асфальта трубы с перекладиной для крюков, куда когда-то подвешивались качели ясельной группы.

Мы обменялись вежливо-настороженным приветствием незнакомых друг другу людей, я прошел мимо, в пустую беседку, и сел на деревянную доску-скамью вдоль стенок-перил, подальше от пружинистого красного матраса поставленного в углу на ребро для

просушки. Ещё тут был легкий стол из белой пластмассы, да на передней стенке-оградке висела забытая кем-то алюминиевая трость, уцепившись черной рукоятью за трубу.

Мужчина прекратил упражнения и правой рукой отцепил с крюков захват своей застылый левой кисти, чтоб двинуться к дальней беседке, с усилием выбрасывая вперёд, для каждого шага, левую половину своего полу-парализованного тела.

От одноэтажного корпуса в побурело-розовой штукатурной шубе, подошла тощая женская фигура в зимней вязаной шапке с очками притянутыми к ней бельевой резинкой.

Запрокинув голову, она осмотрела меня увеличительными льдинами линз, поздоровалась и села в дальнем углу беседки.

Следом плавно, словно в самодвижущейся ступе, замаскированной широким халатом до земли, приплыла, подталкиваясь палочкой, невысокая грузная особа.

Всклоченные лохмы седых волос и невозвратно оттопыренная нижняя губа придавали лицу её выраженье монаршьей пренебрежительности ко всем и вся. Ей вслед доносилось вжиканье метлы по дорожке за углом корпуса.

Она без предисловий спросила моё имя, чтоб тут же оповестить, что мужских мест у них нет, если я пришёл приниматься в их дом престарелых. Или ещё за чем?

Да, нет. Не то, чтоб приниматься. Просто на день. Посмотреть что есть, чего нет.

Накануне, набрав полученный в редакции номер, я условился с приятным женским голосом, что побуду у них с восьми до пяти—рабочий день—чтоб написать предпоследний очерк из цикла о летнем Степанакерте.

Тогда мне всё казалось логичным: читателям – контраст (от восторженно взирающих в своё будущее абитуриентов к недоуменно озирающимся на своё прошлое старцам), а мне – день

заслуженного отдыха, после рейдовых обходов живых и мертвых городских базаров и хождений по семи университетам.

Но теперь мне уже чётко вспомнилось, что рабочий день – штука довольно длинная и прожить его – не поле перейти...

Круглолобая смуглая старуха в черном фартуке поверх небесно-синего халата для обслуживающего персонала, сметала листья и хвою с асфальта и, утоптав в большое ведро, относила подкормить огонь в ящике у ворот.

Входящие—то по одной, то парами—работницы учреждения непонимающе поглядывали на моё необъяснимое присутствие, и скрывались за корпусом.

Но вот за воротами зафырчала машина и вошла женщина средних лет, холёного сложения, с каштановыми, чуть вьющимися волосами, подрезанными на практичную длину.

Длинное однотонное платье с коротким рукавом чем-то смахивало на халат, но халат элегантный, на той грани, где простота переходит в роскошь.

В глазах её не было вопроса: она решительно повернула к нашей беседке и я вышел навстречу директору – Ирине Николаевне Саркисян.

Да, пожалуйста, как условились. Пусть живут этот день как всегда, будто меня тут вовсе нет.

Информ-минимум: 26 подопечных – 9 мужчин, остальные женщины. Персонала 36 человек (работа посменная).

Да, мне интересно будет обойти здание, но не сейчас, день длинный, успеется.

Она уходит к себе, а я пересаживаюсь в беседку напротив, где тень погуще.

Приехал зеленый мини-автобус дома престарелых. И отворенные перед ним ворота уже не закрывались целый день. И ни один из редких тут прохожих не миновал их без того, чтоб не заглянуть внутрь – полюбопытствовать: “каким я стану в будущем?”

Увлекательное занятие: знакомиться с людьми, которых тебе не представляют, а просто подслушиваешь как окликают их по именам в ходе общения.

Сурик уже перестал качать своё тело. Его сменил крепыш Тигран. Он энергично помахивал обеими руками, вызывающе оборотившись к кладбищу: мол, на-кось, выкуси! И даже делал пробежки, метров по шесть, тяжко стуча башмаками.

Рослый красавец Симон, с выбритыми в ниточку белыми усами над верхней губой, возился с водяными шлангами, поливая крохотную грядку помидоров, и грядку лоби за дорожкой, и длинную клумбу астр под торцевой стеной корпуса.

По распоряжению, как видно, Ирины Николаевны, Неля из домика администрации принесла мне в беседку удобное пластмассовое кресло.

На той стороне площадки—в беседку с красным матрасом—принесли нарды и набор таких же кресел.

На дорожке показался обросший бородой Джалал, переставляя пару коротких костылей под туловищем с неразгибаемой спиной и подтаскивая следом свою неподатливую ногу.

Он нестерпимо медленно продвигался к той же беседке, где собрались уже Сурик, Симон, Тигран, Ашхен и две зашедшие с улицы девочки лет восьми в бальных нарядах из пышной кисеи: красный на одной, белый на другой.

Они тут были явно свои люди и то наблюдали за игрой в нарды, то взбирались на перила стенок-оградок, чтоб спрыгнуть на асфальт, красуясь своими платьями и блестящими туфельками, а когда Джалал достиг беседки, даже сели поиграть с ним в домино…

Меня в беседке навестила Ирина Николаевна, рассказала о житье-бытье подопечных и персонала.

Всё это так сложно. Ведь все эти люди, с телами исковерканными пытками болезней (даже красавец Симон страдает от непрокашливаемой астмы), обезображенные безжалостной

старостью, были когда-то полны сил, главенствовали в своих семьях и домах. Всё, что остается им теперь, это "наш" дом и отведенный ему спец-участок на городском кладбище.

Им нравится туда ездить, очищать участок от сорняков. Собирались и сегодня, да мини-автобус забарахлил. (Або и Беник помогают водителю ковыряться в частях вынутых из мотора.)

А вообще-то, Ирина Николаевна толком и не представляет как надо и что. Работает наощупь, чтоб просто они чувствовали заботу.

Когда родственники Джалала надумали забрать его, она через неделю съездила и увидала его в подвале, вяжущим веники. Для того, наверно, и понадобился.

Предложила компромисс: она заберёт Джалала обратно, а они пускай приносят материал. Он будет делать для них веники, а им даже кормить его не придётся. Согласились. Но материал не приносят. Стыдно наверно стало.

Или вон дети заходят. Играют, дружат со стариками. Может так и не положено, но для них это такая радость. Больше, чем концерты из местных школ.

И насчет финансов бывают трения.

Почему директор не хочет брать мешками крупу и концентраты? Так ведь куда проще: по безналичному расчету. А она требует 500 драм в день на каждого подопечного, как и полагается им на пропитание. Почему? Да чтоб им тут всего доставалось попробовать: и зеленого лоби и молодой картошки. Сейчас вон винограда просят, арбузика.

И невозможно же точно уложиться. В какой-то день тратишь больше 500, а когда и меньше. Финансовое нарушение. А такого финансиста неделю на вермишели подержать, что запоёт?

Побелку вон затеяли в коридоре. Известь бесплатно получили от армии, а белит санитарка Эмма. Она в Баку маляром была. Тоже надо как-то три тысячи выкроить. У санитарок оклад всего 7 тыс. драм, а она в конце августа дочку замуж выдаёт...

Мы подымаемся в коридор с только что помытыми полами. Полы некрашены, а между досок такие щели куда ногой хоть и не провалишься, но костылем – запросто.

От крыс спасает кошка со взрослым котёнком, которых держит русская баба Оля.

Свежая побелка теряется между тёмной краской потресканной панели и закопченным фанерным потолком. Одно из окон пробито пулей, ещё с тех времен как тут размещался федаинский[12] штаб.

В палатах окон нет. Свет заходит через двери раскрытые в коридор.

Заходит и Ирина Николаевна, погладить по спине Арев-ат, которая безутешно плачется, что украли её домашники, а через десять минут найдёт их у себя под подушкой.

Заходит спросить певицу Розу, когда та пойдет помыться в бане. Но та уже вторую неделю отвечает, что вчера была.

Заходит утешить 95-летнего Мухана, что лежит и стонет от болей в животе. Накануне вызывали врача, но лекарства не помогли.

Заходит принять поцелуй в руку от неугомонной бывшей заведущей шаумянской больницы, которая на чистое постельное белье непременно постелит свой ветхий палас.

Потом в своем кабинете Ирина Николаевна угощала меня кофе и показывала "семейный альбом" с цветным фотографиями и Тамары, и обеих Марго, и Самвела и всех-всех.

А у тех, кто умер раньше, фото чёрно-белые. И короткие записи возле каждого снимка. Когда родился. Кем был в своей жизни. Когда поступил…

Рассказала Ирина Николаевна какой радостью для обитателей дома стало известие, что скоро переедут в новое место. Тихое и ровное, где много фруктовых деревьев, чтоб варить джемы.

Как ездила она в то место – бывший детсад, рядом с бывшим проектным институтом.

Как рисовала план с городским архитектором: где будет столовая и как устроить, чтоб поменьше было лестниц, и откуда удобней заезжать машине.

И как строила планы: а что если объединить в одном месте престарелых и детей-сирот? Пусть бы днём дети ходили в школу, а потом возвращались бы обратно – домой. Если такое сочетание не положено, то, наверное, просто потому, что так не пробовали...

А потом один из стариков вышел в город (им ведь разрешается, с надлежащим оформлением) и принёс с базара новость, что место это не дадут.

Ещё через неделю позвонили сверху сказать, что под дом престарелых отводится садик на бывшей Энгельса. Крутой взгорок напротив бензоколонки.

Директор поехала посмотреть и ужаснулась: там спешно доканчивали сооружение столовой за 15 метров от общего корпуса.

Что такое 15 метров для решительного руководства? Что такое 15 метров по зимней слякоти и в дождь для тихохода Джалала или 90-летней слепой Шушан, которая за один шаг продвигается на 20 сантиметров?

И нет укромных мест для сушки обмоченных постелей: старики, они ведь как дети малые...

Потом директор уезжала по делам, а я вернулся в беседку, куда принесли ещё кресел и привезли на каталке Марго. (Для спуска и подъема её колесного кресла по ступеням крыльца требуются объединенные усилия трёх санитарок).

Санитарка Цовик привела за руку слепую Шушан, усадила в кресло и подсказала в каком направлении находится "комиссия", то есть – я.

Самоходная Вардануш сама пришла, подталкиваясь палочкой.

Марго начала причитать: зачем только её Бог держит на этом свете, с такими болями ног. Шушан её одернула, что безболезненно

и дурак проживет, а боли ей, чтоб ума-разума набиралась – чем мы старее, тем мудрее.

Потом Вардануш пришла охота попеть. Исполнив куплета два, она поднялась и плавно уплыла за ворота. Все оставшиеся задремали. Марго в своем кресле с колесами, Шушан и я – в пластмассовых, а кошка бабы Оли на деревянной доске-скамейке.

Потом Шушан проснулась сказать, что будет дождь, потому как у нее в ухе чешется и какая-то негодящая была комиссия: совсем *сус-у-пус*[13], такие разве бывают?

Потом был обед и, по приглашению вернувшейся Ирины Николаевны, я заходил в полутёмную столовую с японским телевизором в углу (подарок баронессы Кокс).

Пахло аппетитно и совсем по-домашнему. Повар Флора с честью подменяла Арегу Сергеевну, отпросившуюся на заработки в евангелистский лагерь "Каркар".

Мясные тефтели из супа Вардануш съела, а на жареный зеленый лоби ещё презрительней выпятила губу – в приправе оказался портулак, которого она не терпит.

А Тамара свой компот из свежих фруктов почему-то отдала Тиграну.

Некоторым обитателям дома обед отнесли в палаты, как Ашхен, или бывшей завбольницей, тоже Вардануш. А Мухан все также стонал в постели и от всего отказывался.

И опять я сидел в беседке, где меня навещали Римма и Арев-ат, и медсестры Рита и Ася. А Симон (который, оказывается, Самвел, но просто их тут двое с таким именем и надо ж как-то отличать) опять поливал из шланга, а потом его сменяли Або и баба Оля.

– А я тебе так скажу,– продолжала втолковывать мне Вардануш. – Отсюдова я – никуда. Если переедут, так без меня. Всё. Терять мне нечего, даже партбилет в Баку остался. Всех директоров тут

повидала: один был пьяница, двое – воры. Ну, и остальные за ними тянулись. Теперь тут хорошо.

Да и куда ей, если её тут нашел сын её? Покойный Аркадя. Вчера зашел в ворота, днём, и встал перед беседкой. Одет во всё белое.

"Ой,"– говорит,– "мам, насилу тебя отыскал. Столько всё ходил. У всех спрашивал."

И не спала она вовсе. Вот тут он стоял...

Потом срок мой истек. Я простился с ней и с санитаркой Эммой и вышел за ворота.

Помудрев ещё на один день.

Час Потехи

– Ну, и сколько ты получишь за эту статью?– спросила Сатэник.

– Три тысячи,– был мой немедленный ответ.

(Финансы не та сфера, где стоит каламбурничать или – упаси Боже! – впадать в задумчивость, беседуя с женой.)

– А сколько ты потратишь на "сбор информации" для неё?

– Ну... не больше двух тысяч,– уже с оттяжкой, доложил я.

– Так стоит ли?..

Очень логичный вопрос. Лето на исходе, пора сворачивать мою "сезонную подработку" в газете.

Сделано немало. В том числе шесть очерков для цикла "Степанкерт летом". Так стоит ли писать седьмой?

Если уж совсем начистоту, так я б его и бесплатно написал (только не говорите об этом редактору), чтобы исполнить обещание данное дорогим моему сердцу степанакертцам – что подарю им зеркала-фрагменты, куда могли б смотреться во всякую пору летнего дня.

Без седьмого (вечерне-ночного), заключительного фрагмента ущербным остался бы цикл. Как же не посмотреться на сон грядущий, после долгого дня?

После долгого дня наступает вечер, приходит пора отдохнуть и отвлечься от всего, что было за день.

У каждого своя излюбленная и наезженная программа отдохновения, но на сей раз давайте заглянем туда, где рады каждому. В бары и прочие заведения "индустрии развлечений" вечернего Степанакерта.

В силу ряда причин, едва ли не единственная возможность для арцахцев зажить нормальной—по стандартам развитых стран—жизнью, это превращение своей страны в "рай для туристов".

И на то есть солидные козыри:

– бесподобные красоты горной местности – раз (свежего человека они буквально завораживают);

– отсутствие всякой промышленности – два (пара дымящихся труб могут поставить крест на самых радужных туристских перспективах);

– несгибаемое карабахское упорство в достижении поставленных целей – три.

До недавних пор Степанакерт пленял приезжих только лишь своей роскошной зеленью. Но в последние несколько месяцев у них появилась возможность расширить ассортимент хвалебных отзывов – основательно покрасивел архитектурный облик города.

Но как обстоят дела в индустрии развлечений? Готова ли она к приему валютоносных туристов?

Вот из таких вопросов и родилась идея, что для заключительного очерка необходимо "прошвырнуться" по увеселительным заведениям вечернего Степанакерта.

Но нельзя объять необъятное! В результате консультаций со знающими людьми был выработан четкий маршрут-план:

– ресторан ЦИЦЕРНАК[14],

– дискотека Дворца Молодежи,

– кафе под танцплощадкой в парке,

– казино на Кольцевой,

– зал БИНГО напротив Базара.

Приложением к плану стало мое твердое решение, что при сборе информации эта самая индустрия не выдоит у меня более двух тысяч драм. Не дам и всё тут.

Самым трудным было дождаться часа назначенного для выступления в поход за информацией. Но вот он пробил – 22:00. Я ступил за порог в беззвёздную тьму облачной летней ночи, растроганный чуть встревоженным напутствием Сатэник: "будь осторожен!"

Милая, это ж не в джунгли и не в открытый космос. В Степанакерте все друг другу родственники. Из встречных, каждый второй приходится тебе троюродным сестрой-братом, а каждый третий – родня твоему *бачьянагу*[15]. Доля риска лишь в том, что могут не распознать в темноте и пройдут не поприветствовав.

ЦИЦЕРНАК встречает глубокомысленной тишиной. Обрамленный редкими кустиками круглый бассейн в центре зала. Шеренга дверей в стене закольцованной вокруг бассейна. И ни – души…

Правда, в двух-трёх номерах виднеется электрический свет через квадратики матового стекла врезанные поверх дверей .

Щёлкнув выключателем расположенным рядом с ручкой ближайшей двери, захожу в кабинет.

Комната два на три метра, стол с приборами на шесть персон, стены с обоями, короткая тюлевая занавеска вдоль прорезанного во всю длину окошка под потолком. Стулья в санаторно-курортном стиле эпохи застоя—коричневый дерматин на никелированных трубко-ножках. Рядом с ручкой двери кнопка звонка вызова.

Вскоре после нажатия кнопки, дверь открыла женщина в красном фартуке в черный горошек и так же скоро принесла заказанный стакан чая.

Чифиристая горечь горячего чая навеяла философическое настроение и я вдруг задумался: а зачем люди вообще ходят по этим барам-ресторанам? Кушать-пить? Слушать музыку? Всё это могут поиметь и дома, с намного меньшими затратами.

И приходит неопровержимо простой ответ. Главный стимул к посещению публичных мест развлечения – стремление показать себя. Вот так я ем, так веселюсь, так одеваюсь… Смотрите и восхищайтесь!

И те же самые туристы с большей охотой едут не туда, где есть что посмотреть, а туда, где на них глазеют как на экзотику.

Так что платим мы не за утехи, а за зрителей наших утех. Дома не перед кем красоваться. Там нас знают как облупленных, очки не

вотрёшь.

И ЦИЦЕРНАК с его отдельными кабинетами тоже вполне вписывается в эту теорию. Просто он для любителей, так сказать, камерного стиля, которые предпочитают оказывать впечатление на ограниченное число зрителей. В конце концов, одна официантка – тоже зритель.

Однако, вызвав её повторным звонком, всех этих теорий ей не излагаю, а спрашиваю что с меня. Она сходила на консультацию, а по возвращении объявила, с ослепительной улыбкой: ни-че-го!

Ай, да ЦИЦЕРНАК! Здесь готовы к приему туристов любой масти.

Дискотека Дворца Молодежи имеет всё что надо для заведения её типа.

Глухой подвальный коридор ведет в прямоугольную спортзал-пещеру, где неустанно молотят по слуху сорвавшиеся с цепи децибелы рок-рэпных ритмов, а в глаза брызжут разноцветные снопы света из фар вертушки над танцевальным отсеком.

Прочие две трети пространства – под круглыми белыми столиками из пластмассы и такими же стульями. На столах тесные батареи пивных бутылок. Общение между завсегдатаями сведено к минимуму – трудно перекрикивать грохот музыки.

Все смотрят на показывающих себя танцоров. Есть на что посмотреть!

Молодые люди воочию доказывают, что уже целиком осознали назначение различных частей и членов своего созревшего тела и зазывно демонстрируют виртуозную технику владения моторно-двигательным аппаратом упомянутых частей, членов и остальных конечностей. (Да за такие пляски впору награждать званием "мастер спорта"!)

Иногда от стойки у входа, через полумрак рассекаемый взблесками фар, пробирается женщина в белом фартуке и с подносом – собрать с покинутых столов опустошенную стеклотару...

А на официантке под парковой танцплощадкой элегантно облегающее черное платье до пола. В углу полукруглого зала негромкая компания за парой сдвинутых столов.

Моё тут появление появление стало для них манной небесной. (Зритель! Есть перед кем!..)

Для начала моложавый лысый предводитель вывел свою партнершу в центр зала – пообнимать её в томном блюзе у пол-метрового фонтанчика-брызгунчика в выложенной галькой ямке посреди пола.

А приметив, что зритель заказал чашку кофе и поудобнее устроился в белом кресле с подлокотниками, компания вышла из-за стола в полном составе и показала класс в ансамблевом исполнении быстрых танцев.

Когда в кафе зашли и сели ещё две раздельные пары, я покинул его с чувством выполненного долга: теперь свободно обойдутся без меня – пускай показываются друг другу.

Незапланированный ЗЕЛЕНЫЙ БАР случайно подвернулся по пути, но стал ещё одним блестящим подтверждением теории самопоказа. За белыми пластмассовыми столиками на площадке между тротуаром и проезжей частью центральной улицы нет свободных мест. А во внутреннем помещении бара, где столы из натурального полированного дерева и краснодеревные же мягкие стулья в стройном готическом стиле, и свечи на столах, и цветной телевизор, и... посетителей ровно трое.

Почему? Доказывайте что хотите, но факт остается фактом – через затемнённые стекла бара прохожему не увидать, что вы тут.

Уже заполночь прошёл я вдоль фасадов зданий примыкающих к Кольцевой.

Сонная тишь. Лишь где-то на высоком балконе сухое постукивание зерни о доску нардов. Слухи об имеющемся здесь казино оказались явно преждевременными...

В запасе оставалось игорное заведение БИНГО в бывшем доме быта напротив Базара, где метровыми буквами написано, что они работают до двух ночи.

Я спустился к Электросети, куда не дошли ещё асфальтирование и освещение улиц. По крутой, вдрызг раздолбанной трубопрокладками улице Тиграна Меца поднялся до миссии Красного Креста и вышел на благоустроенный прибазарный асфальт.

Увы, дом быта не подавал признаков азартной жизни. Ни огонька внутри, ни звука. Уличные фонари молча льют свой свет на вывеску с режимом работы "... до двух ночи".

Вдруг от углового отсека, где прежде была сапожная мастерская, а нынче—судя по близлежащей груде белого кубика—приватизирующая перестройка, раздаются мужские голоса.

Различив прозвучавшее слово "бинго", подхожу и стучу в кусок жести на решетке временной двери. Захожу.

Двое мужчин ложились спать. Один подымается со своей койки мне навстречу. Задирая голову на его двухметровый рост, интересуюсь насчёт заведения БИНГО.

Были, но в двенадцать закрылись – нет клиентов. Играют пока вручную, но машину уже привезли, скоро установят.

– А ты меня не узнал, что ли? – спрашивает здоровяк.

В свете фонарей, что проникает сюда поверх составленных в виде временной стенки щитов, всматриваюсь в усатое лицо.

– Нет, не припомню.

– Да я ж у вас в доме был. Когда ты жил на квартире напротив "Маяка". Сергей я – сын тётки твоей тещи.

Ну, извини, родственник, не признал. Извини и спокойной ночи.

Спокойной ночи и вам, дорогие прочие родичи и сограждане. Отдыхайте после долгого летнего дня.

В Степанакерте всё спокойно.

Часть вторая:
За городской чертой

Из Писем А.Плаксину
(типа предисловия ко второй части Саги)

Здравствуй, друг мой Александр.

Благодарю за письмо твоё бесподобное – с годами писуны выкристаллизовывают свой стиль, так что нынешнюю твою эпистолу получилось прочесть не проворачивая листок по всем румбам розы ветров, и без выворачиванья наизнанку, чтоб дочитать что ты понавставлял, в обратном направлении, в просветах между строчками, когда хоть и скрипишь, но читаешь, потому как интересно ж, плюс стиль берущий за щитовидку и вытискающий «г-гы!» сквозь любые горестно-усерьёзненные темы насчёт «куда-куда они да удалились…»

Ну, удалились и лях с ними, на смену всегда заявится ещё кто-то, не мамай, так латышский стрелок – никогда так не было, чтоб никак не было, проверено на личной практике, когда меня угораздило схватиться за провод с двумястами и ещё двадцатью вольтами – до сих пор тёплое воспоминание как марьяжило меня потоком тока.

Примечаешь? У меня уже как у рулевого на викинговой ладье – взгляд больше устремлен вспять, чем в грядущее.

Так вот, среди вороха воспоминаний есть у меня одно про дівчину, років, мабуть, 16-ти, увиданную мною в селе Курень бахмацкого района, которая тягла за собою коханого лет 25-ти, а её бабка сыпала вслед прокльоны на «сучку нерозписану», но она воплей тех не слыхала и меня в упор не видела – я понял это заглянув в её глаза, где всё плавилось как плазма, а хлопец податливо волокся следом, но в лице бедняги уже угадывалась тоскливая подавленность её иссушающим зноем.

Сейчас её поколению уже стукнуло далеко за 40, и мне представляется весьма возможным её благопристойное негодование

на соседку-шалаву 20 годов, что подрабатывает минетами в громыхающих уборных пригородной электрички.

Вобщем, твоя попытка раздела на «тоды» и «нынче» меня не убедила – бывает только то, что было и будет. Вопрос не в морали, а в темпераменте.

Правда, мне непонятно зачем одна из моих конотопских внучек спит с любовником где попадя, ведь коль уж папа мой пошёл в приймы к моей сватье (их прадед к их вдовой бабушке), то в опустелой хате на ул. Декабристов места предостаточно.

Но вернёмся в нынешнее время, ведя отсчёт с момента нашей с тобой прошлой встречи. Ту котёнку, что мы с тобой продержали целый день в твоей сеймовской усадьбе, я провез в Карабах по поддельным ветеринарским документам на имя Принцессы (беспаспортных животных в самолёт не пускают, но в интернете есть картинки как эта "ксива" выглядит) и таковой она пребывает поныне, истребляя мышву и пташек во дворе и вокруг него. А когда вплотную встречает нашего дворового пса Пушка, то круто горбит спину и раздувается всем своим чёрным мехом, хотя он на неё ноль внимания.

За отчётный период наш сын пошел служить в местную армию, где был обучен на разведчика-сержанта, но затем разжалован за побег от неуставных отношений и переведён в другую часть.

Старшая дочь в конце декабря вышла замуж за капрала греческой армии и через неделю поедет в ту же Грецию, откуда он ежедневно шлёт ей СМСы на своём родном языке. Но если ты такой влюблённый, что тебе стоит изучить армянский?.

Младшая пристрастилась к компьютеру и читает оттуда всяческие стихи, а потом свои выстраивает – надеюсь, обойдется без последствий.

Жена ждёт не дождется когда меня трахнет возрастной климакс, но мне и это похуй. Ведь удалось же пережить расставание с игрой на гитаре и упражнениями йогой; даже книжки перестал читать, и ничего – выжил.

На трудовом фронте – вообще лафа. В августе пришёл я в университет получать часы на предстоящий год и увидел, что больше там не выдержу – взял и написал заявление на увольнение по собственному и, представь себе! – держать не стали.

Два месяца амбалил грузчиком на торговых складах – цемент, арматура и прочие прелести, но сейчас работаю завскладом на молочном заводе: физически нагрузка меньше, но ответственности больше, и это выматывает.

Ещё раз тебе спасибо за письмо. Передавай привет от меня Нине, Алле и Юре и всем прочим твоим и моим. Наши ж всё-таки.

Извини, писать дальше некогда – работаю с 9 до 22.20 – составляю материальные отчёты за декабрь, январь и через пару дней за февраль тоже – надо показать, что копейки сходятся с копейками и никуда не закатились.

Да тут ещё террористка доченька пристаёт, чтобы выслушал её очередное творение.

Так что – до свиданья, а вместо пост-скриптума привязываю статью написанную мною два года назад для ереванской газеты ТРЕТЬЯ ВЛАСТЬ, редактор которой у меня её попросил, но потом забыл не только заплатить, а и вообще кто я есть и где мой дом. Наверно, так лучше для всех.

Будь здоров, друг

Всегда твой`

Сергей

26/2/2010

Ящик Водки за Семь Миллионов Долларов

Мороз свирепствует в Степанакерте.

За 20 с лишним лет своей бытности в Карабахе не упомню такой зимы.

Случались годы, когда водопроводные трубы замерзали на неделю-другую, но чтоб так всерьёз и надолго! Да ещё и канализация впридачу!

И не только в частном секторе, но даже в казённых домах.

Представители деликатных прослоек общества уж перестали при встрече спрашивать:

– Как у вас с водою? – понимают, что такой вопрос из области ниже пояса.

А с наступлением темноты наваливается такой холод, что мысли замерзают в голове и на попытку шевельнуть мозгами откликаются сухим нестройным звяком:

«...цыц, а? Цыцц!..»

В такую стужу тянет к теплу даже и в воспоминаниях...

* * *

Посреди прошлого лета, когда самолет рейса Ереван-Киев вылетел из Звартноца, сосед справа спросил меня:

– В Киев летите?

Пойди-ка попробуй не ответить "да" на такой умудрённый вопрос.

От аэропорта в Борисполе до самого Киева езды минут 30 – через лес, через пригороды и через мост над океаническим течением Днепра.

Большая белая баржа подходила к мосту справа, против течения, с чётко различимым именем НИКОПОЛЬ на изгибе борта.

"Во!"– удивился я,– "место рождения моей матери."

Ни разу в своей прежней жизни не видал я чего-то крупнее рыбачьей лодки или шустрого катерка на колоссальной шири Днепра, когда проносили меня над ним электрички или автобусы.

Ближе к полночи сошёл я с поезда на конотопском вокзале.

Конотоп – крупная узловая станция и райцентр в сумской области, населением около ста тысяч. Часть населения – мои родители в их домике на окраине.

Дверь открыл отец, узнал меня в свете лампочки на веранде, а когда мы прошли в кухню вопросил:

– А ты знаешь, что мать твоя померла? В сентябре год уж будет.

Догадывался, конечно, когда перестали приходить её письма, но всё отгонял догадки: мало ли, может просто хворает. Вон и сегодня отмахнулся от намёка прямым текстом на носу у той белой баржи ...

* * *

Под вогнутым куполом синего неба завис слепящий ком солнца, изливая июльский жар на буйную зелень бурьяна поверх чащобы впритык теснящихся оградок и на безлюдную кладбищенскую дорогу, по которой истомлённо бредут три мужика – отец, брат мой да я.

Разговор у нас тоже не бойкий, отец толкует, что мест для захоронения тут больше нет, покойников нынче вывозят за городскую черту на противоположной окраине.

Правда, есть лазейка – можно повторно загружать могилы, у которых истёк срок давности – 20 лет. Кладбищенский сторож делает на этом бизнес – вынюхивает бесхозные и продает места упокоения.

А могилке его (отцовой) тёщи уже давно за 30, к тому же в одном секторе где и дочь её, жена его, мать наша.

Мы с братом эту тему не поддерживаем – 83 года не возраст для бывшего моряка-черноморца.

Брат даёт экскурсоводное пояснения мраморному мемориалу, что распростёрся на площади достаточной под десять могильных участков: на вертикальной полированной плите портрет (в полный рост и натуральную величину) невысокого мужчины с неясным лицом, в обнимку с берёзкой, или может калиной, на мраморе не понять.

Халёза, который несколько лет правил бандитским миром Питера, а наведываясь в Конотоп, врывался в дежурку вокзальной милиции и ставил их на место, чтоб понимали кто тут, сука, пахан.

В одну из побывок, как выходил из своего лимузина у материнской хаты, искрошили его в лоскуты из автомата Калашникова. Должно питерские заказали.

Следующая достопримечательность ещё просторнее, и здесь уже не картинка, а бюст, типа тех, под которыми нас в детстве принимали в пионеры.

Володай был местным крутым и его скромнее прибрали. На свадьбе у родственницы подсыпали чего-то, отвезли без сознания в госпиталь, а через пару дней, когда могучий организм начал выходить из комы, повторили дозу и вот он тут – в виде задумчивого изваяния.

– Красиво живут,– подытожил мой брат,– но недолго.

Я не стал придираться, что красота дело вкуса.

* * *

Через пару дней старший из моих зятьёв рассказал мне про живого крутого воротилу.

Двоечник был и раздолбай, кликуха Утюг, но, как подрос и оперился, пофартило ему при пост-советских переделах – оказался в нужное время в нужном месте и теперь он банкир в Москве, врубаешься?.

А если ты банкир, таблица умножения тебе уже и на хрен не нужна. Короче – банкует там.

Ну, приезжает раз к мамане, а та жалуется – курочек не можна на улицу выпускать, такое движение, нема спасу, так и давлят.

А как не давить, коли хата её на дороге, что выходит из города и заворачивает на Жолдаки; дачники, конечно ж, ездят.

Так Утюг что удумал: прямо в поле, метров за 300 до поворота, строит школу по самым продвинутым технологиям, на пригорочке.

5 миллионов долларов вбухал, материалы всё привозные, компьютеры там и все дела.

Городским властям пришлось проложить дополнительный асфальт от конечной трамвая, лучшая школа в городе, как никак.

Так теперь на Жолдаки все по тому асфальту ездят, зачем лишние триста метров бензин жечь?.

Вобщем, у маминых курей совсем дачная жизнь пошла – магистраль от ихней улицы чуть не за полкилометра переместилась.

Но дело тем не кончилось. В Москве ещё один крутой есть из конотопских, и тоже из двоечников в банкиры вышел.

Клявик была его кликуха, из загребельского хулиганья.

Дак они, конечно, там с Утюгом, в Москве той, дружбаны.

Ну, короче, он с ним поспорил на ящик водки, что построит в городе школу ещё лучше.

Сейчас уже ведут отделочные работы.

Так там, короче, вообще хоромы. Конечно, что лучше выйдет – 7 миллионов выложил.

А прикинь – за что? За ящик водки. Вот же ж дурогоны!.

* * *

Ещё неделю спустя, под конец отпуска, я сидел в лодке уносимой неслышным течением Сейма вдоль зачарованных берегов, утопающих в летней зелени, а та сливалась со своим отражением в речной глади, вперемешку с белыми пятнами от облаков в небесной сини вокруг жаркого шара солнца, и плоскодонку неспешно кружило и разворачивало то к обрывистому правому, то к пологому левому берегу с деловитыми компашками рыбаков, что прочёсывают сетками мелководье, и с млеющими парами любовников меж кустов ивняка; а ведь только вчера приезжал сюда и я с приятелями, для ночёвки у костра под гитару, а вот уже целая жизнь прошла, и тогда

я ещё не видел всей этой красоты, до того некогда было за неотложными желаниями и стремленьями; а теперь спешить больше некуда и нет никаких желаний – полная безмятежность, но окончательному счастью мешает томящее чувство обиды, что так скоро всё промелькнуло и ничего не успел понять и толком разобраться в этой жизни; вот и сейчас наверняка знаю всего лишь одно: как только плоскодонка уткнётся в любой из берегов, возьму в руки весло и начну грести вспять – к далёкому уже повороту, за который уплыл железнодорожный мост над рекою, и там заверну в протоку к лодочной станции, чтобы вернуть лодку владельцу, Вовану Чалому, который хоть и не вышел в крутые, но всё ж обзавёлся толстой золотой цепкой на шею и хрипло горлопанит меж домиками дачного товарищества "Присеймовье", для назидания и примера следующему поколению.

* * *

Ну, а в чём, спрашивается, мораль этой статейки?

А тут её и близко нет. Абсолютно аморальная писанина. Просто вздумалось поделиться соображением, что даже в форс-мажорную холодрыгу теплеет на душе при мысли: нет, не вывелись ещё среди хомо сапиенсов особи, способные выложить семь миллионов долларов за ящик водки, которую уже и пить-то не хочется.

15-17.01.2008

Когда Рассеется Туман…

__*примечание:*

Строго говоря, данная поделка не вписывается под заголовок Части 2-ой: “За городской чертою”, однако, если очень хочется, всегда найдёшь чем оправдаться, хотя бы тем, что она никогда не печаталась в Степанакерте, а только лишь в ереванской газете “Новое Время”, о чём её редактор впоследствии горько пожалел… за городской чертою…

Туман опустился на Степанакерт в ночь с 21 на 22 марта. В ночь покушения на президента НКР Аркадия Гукасяна.

Правда, тогда горожане ещё не знали что это такое было и в кого стреляли. Только в кварталах прилегающих к "Розовому Дому"—зданию бывшего горсовета—слышна была ожесточенная пальба очередями.

Где-то заплакал ребенок; "Мама, я боюсь, наверно, опять война!"

Наутро 200-метровый отрезок улицы Ереванян был оцеплен автоматчиками в сизо-сталистой форме. Маршрутки весь день делали крюк в объезд квартала, пешеходам приказывали проходить не задерживаясь.

В глубине оцепленной улицы сквозь изморось и туман виднелась лоснящаяся черная туша "мерседеса" и белые полосы коры сшибленой им пихты на газоне у книжного магазина.

Недоумение непосвященных развеивалось по приходу к месту работы. Сотрудники встречали друг друга вопросом: "Слыхал про президента?"

Далее излагались слухи: водитель с телохранителем в тяжелом состоянии, у Гукасяна ранения в ноги. Самвел Бабаян – бывший командующий и непримиримый оппонент Гукасяна – арестован. Арестован также его брат, мэр города Карен Бабаян и зять их – Гурген Нерсисян.

Вскоре эти слухи подтвердились программой теленовостей московского канала.

Оцепление держали целый день под моросящим дождем, что смывал все следы, падая из невидимых за туманом туч. Телохранитель лежал в "коме", с простреленной сонной артерией. Нелётная погода исключала транспортировку в Ереван вертолетом. Репортёры местных средств массовой информации слагали абзацы о "чудовищном преступлении против А. Гукасяна и арцахского народа".

В обиходе газетчиков и политиков есть такая удобохватаемая фишка – "народ". Очень выгодная им фишка, когда все множество людей—таких несхожих и разных—увязывают, впихивают и утрамбовывают в удобное для манипуляций словцо единственного числа – "народ". А единственное число едино в своих действиях, симпатиях, порывах. Фишка – она фишка и есть.

С людьми куда как сложнее. У каждого своё направление, несовпадающие интересы, взгляды. И занятия тоже разные.

Наутро после покушения люди жили каждый своей обычной жизнью. Старая гвардия зелёного хозяйства сажала деревца в тротуарные скважины. Работяги замешивали раствор и подносили кубик для кладки очередного магазинчика. Студенты прогуливали лекции. К исходу дня в республиканском шахматном клубе собрались пенсионеры и просто любители. Но, хотя разговоры вращались вокруг одной и той же темы, отношение людей к случившемуся, несмотря на определённую долю встревоженности, оставалось, вобщем-то, наплевательским. Всё это – политика, а народу давно и глубоко плевать на политические перипетии. Своих забот хватает.

Впрочем, не стоит спешить с объявлением безразличия всенародным чувством. В народ ведь входят и родственники политиков: и тех, что у власти, и тех, кого потеснили пришедшие к

власти. Эту часть народа события миновавшей ночи эадели за живое, вселяя в кого-то неотвязную тревогу и озабоченность, а в ком-то всколыхнув надежды и предвкушения.

Но в общем, повторяю, люди пережили это событие штатно. И это хорошо, когда каждый делает своё дело. Такой народ здоров. У такого народа стабильное будущее. При условии, что всяк занят чем ему надлежит. Кто-то сажает, кто-то мешает. Каждому – своё. Аналитику же положено анализировать. В этом его долг перед народом.

Коренное отличие аналитика от представителей прочих специальностей в том, что он должен отвечать на самый неразрешимый вопрос: почему?

Почему это произошло? Палец нажал курок. Почему? Таким был заказ, или приказ – без разницы. Почему заказали? Такое было принято решение. Почему? Чьё?.. И попробуй найти ответ бесконечному "почему?"

Легко ли быть аналитиком? Вобщем, невелика хитрость.

Берём доску, ставим на неё фигуру – это президент НКР, он же Аркадий Гукасян; добавляем ещё одну, такого же цвета, – это премьер-министр НКР, он же Анушаван Даниелян, и третью, им в масть, но чуть в сторонке, – Роберт Кочарян, президент Армении.

Теперь располагаем пару фигур противоположного цвета – братья Бабаяны, бывший министр обороны НКР – Самвел, и нынешний мэр Степанакерта, но тоже уже арестованный – Карен.

В некотором отдалении отводим место фигуре третьего цвета – она представляет Азербайджан с его покровителями и сателлитами. И, наконец, в дальнем верхнем углу фигуру неопределимого цвета—до того она пёстренькая—но такую неотменимую фигуру России, в сферу чьих интересов входит, по геополитическому умолчанию, данный регион.

Ну, а дальше совсем просто – остаётся вычислить какая фигура, или комбинация фигур, стала причиной тому, что палец нажал курок,

заплакал испуганный ребенок, три человека попали в госпиталь, многие арестованы, сломано дерево (пихта) у книжного магазина, изувечена дорогая "иномарка", цепь автоматчиков мокла день напролёт...

Начнём с Азербайджана. Могли ли его политики найти парочку отчаянных парней, знакомых с местными условиями и готовых за много-много долларов совершить этот дерзкий дестабилизирующий акт? Могли. Безработных смельчаков нынче немало.

Да только азербайджанские политики не дураки, чтоб рисковать долларами, и главная политическая линия там ориентирована сегодня на арабскую мудрость: спокойно сиди у своего шатра и придёт день, когда труп твоего врага пронесут мимо тебя на кладбище. Организация покушения извне на главу даже непризнанного государства имеет смысл лишь накануне вторжения; начинать же военные действия в здешнем регионе в условиях весенних дождей...

Нет, давайте-ка эту фигуру аккуратненько, с соблюдением всех дипломатических приличий, уберём с доски. Политики Азербайджана получили свой праздничный подарок к новруз-байраму. Будет с них.

Что остаётся на доске? Многовато их ещё. Присмотримся к фигуре президента НКР. Мыслимо ли самопокушение? В принципе – да. Мотивы? Повышение своей харизмы, например. Вон в Питере известный журналист нанимал стрелка, отстрелившего ему два квадратных сантиметра кожи на глазах у камеры.

А кроме того, покушение – отличный повод раздавить оппозицию. Однако, знакомым с А. Гукасяном ведомо до чего страстно он любит жизнь и чётко сознает, что народу глубоко плевать...

Нет, не мог он пойти на столь авантюрный трюк. Без колебаний приберём и эту фигуру. Искренне желаем вам скорейшего выздоровления, господин президент.

Ну, а кому уж совсем ни к чему было это покушение, так это братьям Бабаянам. Спору нет, в конце прошлого года Самвел Бабаян лишился своих чинов и многих привилегий из-за противостояния с президентом и новым премьер-министром НКР, находившими понимание и полную поддержку со стороны президента РА Роберта Кочаряна, который в своё время совершил головокружительный взлёт (в облёт конституции Армении) на пост главы РА, при полном понимании и поддержке тогдашнего российского руководства.

Но с той поры немало что изменилось и в Москве, и в Ереване. Ельцин – отрёкся. Кочаряна заточили в хрустальную башню почётной изоляции – дожидаться, когда оппоненты прикроются им, как "мальчиком для битья", при очередной волне народного гнева.

Такие волны не заставляют себя долго ждать и ближайшая смыла бы не только Кочаряна, но и давнишнего его сподвижника Аркадия Гукасяна. Самвелу Бабаяну не было никакого резона пахать за других.

Гукасян оказался физической, Бабаян – главной мишенью покушения на президента НКР. Прочувствовал ли он, что взят на прицел? Опыт недавней войны должен был насторожить его.

Тогда, во время карабахской войны, обе стороны применяли одинаковую уловку: объявив о нападении противника на такой-то населенный пункт, на следущий день начать наступления из этого пункта.

За две недели до покушения в степапнакертской газете АЗАТ АРЦАХ, верноподданом рупоре руководства, была помещена статья о явной готовности С. Бабаяна к конструктивному диалогу с президентом НКР. Спустя еще пять дней в ереванской прессе прошла информация, что Кочарян намерен обзавестись президентской гвардией, бойцов эдак в пятьсот, каковые прибудут из Карабаха под командованием С. Бабаяна (это при их-то взаимоотношениях!). Так подставили Самвела Бабаяна, объявив его бурным политическим деятелем, чтоб легче проглатывался его арест.

Эти два малоприметные факта с железной необходимостью вынуждают меня снять с братьев Бабаян всякое подозрение в подготовке данного покушения.

Так что у нас теперь на доске-то? Три фигуры: две одноцветные и одна пестренькая – Кочарян, Даниелян и непостижимая умом Россия.

О премьер-министре А. Даниеляне сведения наши, увы, довольно скудны. Он тут недавно объявился. С прошлогодней осени, поры сбора урожая. Кочарян тогда реально был у власти, без согласования с ним господин Даниелян не прошёл бы на столь важный пост. Прибыл он сюда из Крыма, где боролся отъавтономить полуостров от Украины, накопив, тем самым, заслуги перед Россией, которая не поспешает вытребовать его приятеля—пребывающего в розыске российскими правоохранительными органами—которого премьер пристроил начальником Фонда Содействия Президенту НКР.

Вот, пожалуй, и всё – оставшаяся троица настолько тесно переплетена, что трудно снять фигуру, не задев соседних.

Так значит – закончен аналитический этюд? Не совсем. Аналитик – не всеведущ, всякий раз, для очистки совести, нелишне бывает зарезервировать место для некоей, возможно, упущенной им из виду, силы. Новой силы, третьей силы во внутренней политике НКР, силы "икс".

Разумеется, обвинения в данном покушении с Бабаянов будут сняты. Вполне возможно, им будут предъявлены обвинения по другим делам. Лиха беда начало. Арест их не удивил никого. Удивило другое – зачем вернувшаяся средь бела дня милиция подогнала машину под балкон его квартиры и жена его сбрасывала туда какие-то тугие сумки? Могли бы ведь и сами вынести, через подъезд. А удивляться, собственно, нечему – так было задумано: показать, что Самвел больше не сила.

А кто же теперь сила? Ну, это уж совсем наивный вопрос: сиди смирнехонько и не высовуйся, да высматривай – кто потеснит родственников Самвела. Вот это ихний старшой, он-то и есть сила, усёк?

Но если сила эта и впрямь окажется новой, то будь она даже трижды "икс", а всё равно для таких перестановок должна располагать надёжными сообщающимися каналами и питательной средой в уже помянутом "пёстром" зарубежьи.

Вот теперь, пожалуй, и вправду – всё. Убедились, что анализ событий элементарная, в сущности, штука. Не так страшен чёрт, как его малюют. Куда страшнее – высунуться с результатами своих дедукций, но уж коль ты аналитик, так делай что тебе назначено.

А разбитый "мерседес" убрали почти через сутки, в девять вечера, подсвечивая электрическим фонариками (на улице Ереванян уже месяца два как нет освещения, то ли некогда за политикой, то ли так планировалось).

Две стайки пацанов на перекрёстке за оцеплением неотрывно следили за происходящим, несмотря на промозглую мокрень.

А когда туман рассеется и земля немного подсохнет, мы выйдем вскапывать огороды и ломать голову над извечным вопросом: а в этом году что сеять-то – опять лоби или снова картошку?

С. Огольцов, г. Степанакерт, *2000\3\24*

"Ухт[16]" в Августе

посвящается Грайру Багдасаряну

На прошлой неделе Ник Вагнер позвонил из Еревана и сказал, что хоть он и знает, что пришло время моего ежегодного похода в горы, но нельзя ли нам повидаться на денёк.

Я ответил, что я – не гора и могу reschedule my movements.

Наверно, эти приезды в Степанакерт вошли у него в жизненный цикл, как и две его ежегодные побывки в семье дочери Мишель в штате Теннесси.

По ходу гостевания в столице НКР, он зашёл в “Демо” предложить свои ребусы для газеты и не менее получаса делал мозги редактору Гегаму, а я тем временем сказал комплимент главбуху Свете и потом болтал на балконе с Наирой про еврейскую музыку и тягожильную прозу Платонова.

Затем к ней пришла посетительница и я спустился во двор под виноградную сень, где Эмка выпендривалась Пушком на бельевой верёвке.

Щенок, конечно, пожинал восторги и умиление всех приходящих, и только зав. русским сектором, Карина, умудрилась испугаться.

Но её идеосинкретические страхи не его вина – Пушок скорей оближет, чем укусит; а всё из-за Эмки – испортила пса, дав ему кошачье имя.

Потом Ник предложил сходить на базар, где он купил Пушку поводок-цепочку.

Попутно он всё строил прожекты, что “Демо”, для повышения тиража и читательских симпатий, могла бы устроить конкурс на самую симпатяшную собаку Степанакерта, а через месяц на самую уродину – почему бы нет?

Заокеанский Манилов. Они тут перебиваются с жингалов-аца на мушкет, от благотворительных щедрот Би-Би-Си, отрабатывая стипендию по шаблонам “Правды” 1970-х, а он со своими собачьими выставками.

Впрочем, британцы, известные собаколюбы, могли бы и оценить такую инициативу потенциальных «бархатных революционеров».

На следующее утро я проводил Ника на конечную десятой маршрутки у роддома, а сам пошёл в Лисагор.

Ещё по весне, в какой-то из особенно муторных дней, я зашёл на кафедру географии АрГУ и её заведущий, Юра Аракелян, объяснил мне по карте, как пройти на Кирс через Лисагор и Мусульманашен.

Пешехождение – отличное просветительное средство.

Теперь я знаю, что на шоссе между Шуши и Лисагором 5 родников-ахпюрей (2 из которых необустроенные), что из машин, следующих из Еревана, чаще выбрасывают на обочину пачки «Масис Табак», чем из едущих в противоположном направлении, а с пассажиров, едущих в Ереван, чаще сдувает головные уборы.

Уже под вечер у Лисагорского ахпюря я спросил местного павильонщика, по какой дороге ближе на Кирс.

– А ты кого там знаешь?

– А разве там кто-то живёт?

– Конечно. Вон иди по той, где мужик коров гонит.

Новость о заселении скальной гряды Кирс, с 3-й по высоте горной вершиной Карабаха, наблюдаемой в ясные дни из Степанакерта, привела меня в такое изумление, что я решил попутно уточнить информацию.

Чобан Вова поправил огромадные очки с круглыми стеклами и сказал, что идти надо именно этой дорогой и никуда не сворачивать, а в Кирсе передать от него привет старосте села Самвелу.

Тут только до меня дошло, что Мусульманашен переименован.

Вова поинтересовался, уж не на экскурсию ли я иду и, получив утвердительный ответ, перешёл на русский, изумительно чисто выговорив:

– Ой, блядь!

Мат был и остается цементом в попытках превратить империю в единую нацию. На слух порой и не различишь, кто матерится – бурят или эстонец. В Вовином исполнении звучали сочные отголоски одесского Привоза…

Ночь захватила меня на перевале и я распаковал спальный мешок.

В самый глухой час, когда полная луна всплыла в зенит через клочкастую пену облачков, меня пробудил собственный вскрик, от нестерпимо колющей боли над левой лопаткой.

Боль перебила сон и не стихала до утра, и даже завтрак перемежался моими крёхтами, взвывами и охами.

Правда, при ходьбе она отступала на задний план, но зато места привалов и скалы Кирса, куда я добрался, не спускаясь в долину, а по кряжу прилегающих тумбов, наслушались моих воплей благим матом – «ой!» да «ай!».

Больше некому было слушать – кругом безлюдье бугрящихся взгорий и только на западном горизонте – тающий в жарком мареве проблеск Шуши и ниточный пунктир шоссейных извивов.

Не знаю, на что смахивает Кирс с той стороны, где на нём установлен геодезический знак-треножник, но, при подходе с запада, Кирс явно женского пола: скалы складываются в титаническое изваяние распалённой грудастой бабени.

И тут в полный рост встала проблема воды. Мой кока-кольный контейнер на 2 литра был безнадежно пуст.

Надо доверять профессионалам! Источник, обещанный Юрой Аракеляном, нашёлся метров на 80 ниже, на склоне, обращенном в долину села.

Потом я взобрался наверх, но не на самый вершок, где день-деньской палит солнце, а выбрал балкончик метров на 10 ниже, с возможностью укрываться в тени скалы на клочке горного разнотравья.

Полтора дня я отлеживался за весь год минувший с прошлого выхода на волю. Когда боль притуплялась – засыпал.

Во вторую ночь меня разбудило характерное потрескивание дождевых капель по синей мешковине, в которую я заворачивался вместе со спальным мешком. Вода без проблем пронизывала обёртку и впитывалась нейлоном спального мешка, и я понял, что дальше на горах мне не высидеть. Однако надо было ещё дождаться конца этой постылой ночи.

Поднявшийся к утру ветер не расчистил неба, а только перекачивал облака – в виде моросящего тумана – с одной стороны кирсовой гряды на другую.

Скрючившись на корточках под мокрым мешком, я сжевал завтрак и упаковался…

Хреновое это занятие: блуждать по скалам в тумане с видимостью в 3-6 метров, не зная, что встретишь за следующим валуном – провал, наполненный клубящимся сумраком тумана или монолитную стену, и придётся брести обратно по скользкой траве. Хорошо хоть боль отступила – наверно струсила, сука.

Методом проб и ошибок удалось спуститься со скал и отыскать тропку к источнику, где она потерялась в залитых дождём травах, но тут уже не надо было никуда карабкаться, а только идти вниз.

Висячие поля шляпы вполне удачно облепили уши, не пропуская шквалистый ветер и почти горизонтальные струи дождя.

И вот с очередного склона внизу завиднелась лента грунтовой дороги. Теперь – дойду!

Дождь прекратился, день посветлел.

Ходьба не давала замерзнуть в промокшей одежде. Я шёл, следуя бесконечным поворотам грунтовки и готовил фразу, с которой обращусь к первому же человеку, встреченному в селе.

– Где дом старосты Самвела?

А потом попрошусь обогреться у его жестяной печки.

А село, даже и в ненастье, казалось райским уголком: величие пустынных склонов вокруг долины, мощный лес на ближайшем “тумбе”, речушка, бегущая через село, раздолье фруктового сада с обильным урожаем яблок.

Обогнув крайний, почти достроенный дом, я понял, что Самвела мне искать ни к чему – деловитый костёр из долгих жердей заготавливает жар для приготовления шашлыка, у входа стоит свежая «нива», белоокрашенная дверь превращена в стол, вокруг которого сымпровизированы скамейки из досок поверх белых строительных кубиков расставленных торчком для опоры. Чиновная элита средней руки выехала на воскресный пикничок...

О, какое блаженство обсушиваться у костра вплоть до шнурков обуви; наблюдать, как исходит горячий пар от светлеющей ткани твоего спального мешка!

Потом, конечно, радушно пригласили покушать, но пить я не стал – на дальних склонах маячил серпантин предстоящей дороги к перевалу на Лисагор.

И снова – дорога, дорога без начала, без конца, и пейзажи осени в раю, и нытье ног, которые всё идут и идут, с самого рассвета, по камням, по травам, а теперь вот по дороге из тех же камней, но помельче.

Спустившись к Лисагору, я решил, что для одного дня хватит с меня полученной дозы активного отдыха и на ночёвку проник в незавершённое белокубичное строение неясного назначения – 3 на 5 метров, с 2-мя дверными проемами и 4-мя оконными, под откосом шоссе.

Зато вся эта незавершёнка покрыта бетонными настилами – хоть сверху не будет капать.

Ночью я сделал открытие: чтобы не так больно было переворачиваться, надо ухватить голову рукой и поворачивать её одновременно с телом – главное, не спутать направление.

Утром позавтракал и нацепил на плечи скатку из синей мешковины, прикрыться от моросящего дождя. Теперь только выдержали бы ноги.

И они держались – несли меня и несли. Правда, после привалов почти что отказывались сгибаться, но через пару сотен шагов втягивались в своё дело и ступали по полосе белой краски, прочерченной по асфальту шоссе фирмой Ваге Карапетяна.

Глаза высматривали формы гранитных придорожных исполинов, а в голове проворачивалась обрывочная мешанина недодумываемых до конца мыслей —

...что Ашот, как и все оболтусы его возраста, тащится от Эминема, но все равно «Битлз» лучше, хоть я от них уже и не тащусь...

...что в английском языке можно выделить 5 видов существительных и сделать на эту тему интересную data base программку...

...что это Михаил Задорнов научил публику уму-разуму: хочешь пробиться в жизни – уважительней отзывайся про евреев...

...может, не такая уж и ахинея та сфабрикованная царской охранкой программа...

...это же так просто – заведи себе здоровую привычку везде и во всех обстоятельствах говорить приятные вещи про вышестоящего и

когда-нибудь, где-нибудь, от кого-нибудь до него дойдёт и – твоя карьера обеспечена…

…но мне не светит воспользоваться этим способом – в студенческие годы я побил еврейского юношу, который начал распространять похабные слухи про невинную девушку и мои с ней эксцессы, а пару недель спустя она мне сказала: «До чего ж он точно предугадал, что мы и так будем заниматься этим!»…

… потом его с папой выпустили в Израиль, но они туда так и не доехали, осев в Канаде, а она вышла за офицера, едущего служить в степях братской Монголии…

…в общем, поздно мне заниматься карьерой – мне б только с Unix'ом разобраться…

…столько этих языков развелось, а великий и могучий обмелевает иссякаючи: из огня ка́лек вроде: «имплементация узуса креативной активации превентирует пессимизирование менталитета», да в полымя приблатнённого суржика типа «отрывайся по полной», вот и поди выбирай – что лучше…

…из радетелей и борцов за чистоту языка всего-то и остались, что Рафаэл Вартанович из госуниверситета да русский отдел редакции "Демо"…

…если «кря» на армянском – «черепаха», значит «креативные игры» – «секс черепах»?..

…и как это римские легионеры ходили в походы в сандалиях на босу ногу?..

…вряд ли их старшина раздавал им носки китайского производства с надписью «нога – корень здоровья»…

…и всё-таки скульптуре людей обучала сама природа: ты только посмотри на ту скалу – готовая ухмылка шимпанзе, ничего добавлять не надо и убрать невозможно…

…столько экспрессии!.. или вон тот монстр в засаде…

…эти теле-ужастики такой наивняк – не пауки, так волчьи пасти; зачем далеко ходить-то, да прицепи ты яйца вместо носа и станет ужасно до блевоты…

…самая жуть – рассказ Франка, как в голодающей крестьянской семье зарезали собственного сына, чтоб остальным выжить на похлёбке…

…мать держала миску под горлом, чтоб кровь не пропадала зря, тоже ведь съедобна, и никаких тебе инопланетян…

…есть кошки, что пожирают собственный приплод – ничто человеческое мне не чуждо…

…человека можно довести до чего угодно – хоть вертухаем быть при крематории, хоть стать самосожженцем за правое дело…

…да никаким ты матом не склеишь воедино людей, где Великий Вождь «пиковой масти» пьёт тост за великий русский народ, а на лагерных вышках чурки с автоматами в погонах внутренних войск…

…а на шоссе-то, по сравнению с прошлыми годами, всё больше легковушек с тегеранскими номерами…

…хотя вот тебе и российский «Е-ХУ» с дымчатыми стёклами…

А потом распахнулся вид Степанакерта и просторной долины до Аскерана, а уже пониже Шуши, на подходе к танку-монументу, который Эмка однажды нежно назвала «наш танчик», меня догнала и притормозила видавшая виды, но хорошо ухоженная «лада», и Давид, сидевший за рулем, сделал мне знаками предложение, от которого я не мог отказаться.

Дома, на мой звонок от калитки, Эмка выбежала во двор и, конечно, тут же вытащила Пушка из загородки.

Эмма Аршаковна смотрела телевизор. Рузанна спала под дремотную тишь дня за окном.

Я зажёг газ в парной, приготовляясь к радикальной оздоровительной программе, планы которой вынашивал последние 4 дня.

Потом пришла Сатэник и на мой вопрос, как ей отдыхалось без меня, сказала, что соскучилась.

Вскоре пришли её сестры: одна с дочкой, другая – с внуком.

Потом они взяли Рузанну и вышли все вместе гулять. (И охота же ходить людям!)

Потом Ашот пришёл домой и ему явно пришлось по сердцу, что в тетрадке, которую я брал с собой для растопки костров и прочих надобностей, я обнаружил его стихотворение и принес его обратно, не пустив в расход.

Потом я сидел на диване и послушно смотрел телевизор – всё что покажут.

Сатэник с Рузанной вернулись с прогулки.

И наступила ночь, когда небо преклонилось к земле, а время с пространством сплелись и перемешались в неистово колокольных всхлестах смятенно зыбкой непостижимости, потому что, если Сатэник в ударе, то все утончённо ремесленнические ухищрения Востока и наитехничнейшие взлеты куртуазных искусств Запада, как и прочие Кама-Сутры любых климатических поясов, эпох и видов, рядом с ней, типа, груда щебня в сравнении с Кирсом…

Потом, в знакомой темноте, я слушал тихий шепот дождя за оконным стеклом и думал, что вот отлежусь и пойду жить дальше.

Степанакерт-Кирс-Степанакерт, 17-24.08.2005

От редакции:

Мы напечатали эту статью, несмотря на определённые неточности в приведенных фактах, вопреки уверенности автора, что статья не будет напечатана, и невзирая на то, что автор,

прежде чем сдать материал, согласно Задорнову, сказал «приятные вещи» всей редакции «Демо».

Мы просто считаем, что любые переживания и мысли людей, живущих рядом с нами, имеют право на существование и помогают лучше узнавать друг друга – даже когда кажется, что дальше узнавать уже нечего…

15.09.2005 "Demo"

Сергей Огольцов

СТЕПАНАКЕРТ-Сага

Примечания

1

Ляв кац, на карабахском армянском – *“1) будь здоров! 2) не балуй!”*.
Вернуться

2

Цамон керять, на карабахском армянском – *“кушать жевательную резинку”*
Вернуться

3

Карог а аркаверь кя, на карабахском армянском – *“а вдруг, да пригодится”*
Вернуться

4

Сезончик-мард эм, на карабахском армянском – “я сезонный рабочий”
Вернуться

5

Чьюры чампа кыгытни, на армянском – *“вода себе путь проточит”*
Вернуться

6

Местное название игры “камень, бумага, ножницы”

Вернуться

7

Лакот на армянском *“щенок”*

Вернуться

8

В Карабахе на ереванском диалекте армянского стараются говорить руководящие лица и тому подобные *"люди при галстуках"*.

Карабахский диалект всё больше оттесняется на сугубо бытовой уровень.

Ашхадранк – слово сляпнувшееся из двух других:

1) *ашхатанк* – "труд", и

2) *араджадранк* – "задание".

Вместо "трудзадания" у начальника выговорилось *"задотруд"*

Вернуться

9

Ахперь, на карабахском диалекте армянского – *"брат"*

Вернуться

10

Зрюц ынк ынум, ли!, на карабахском диалекте армянского – *"болтаем себе всякое"*

Вернуться

11

Беззадники, на карабахском армянском – *“домашние тапочки”*

Вернуться

12

Федаи на греческом *"боец за свободу"*: наименование армянских воинов в карабахской войне 1991-94 г. г.

Вернуться

13

Сус-у-пус, на армянском – *“тихоня”*

Вернуться

14

Цицернак на армянском *“ласточка”*

Вернуться

15

Бачьянаг, на карабахском армянском – *“свояк”*

Вернуться

16

Ухт на армянском – *“паломничество”*

Вернуться